

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

ВОЕННЫЕ ПРОТИВ ВОЕНЩИНЫ

Предложения офицера о военной реформе

СУД: ИЗ ГРАЖДАН ИЛИ НАД ГРАЖДДАНАМИ?

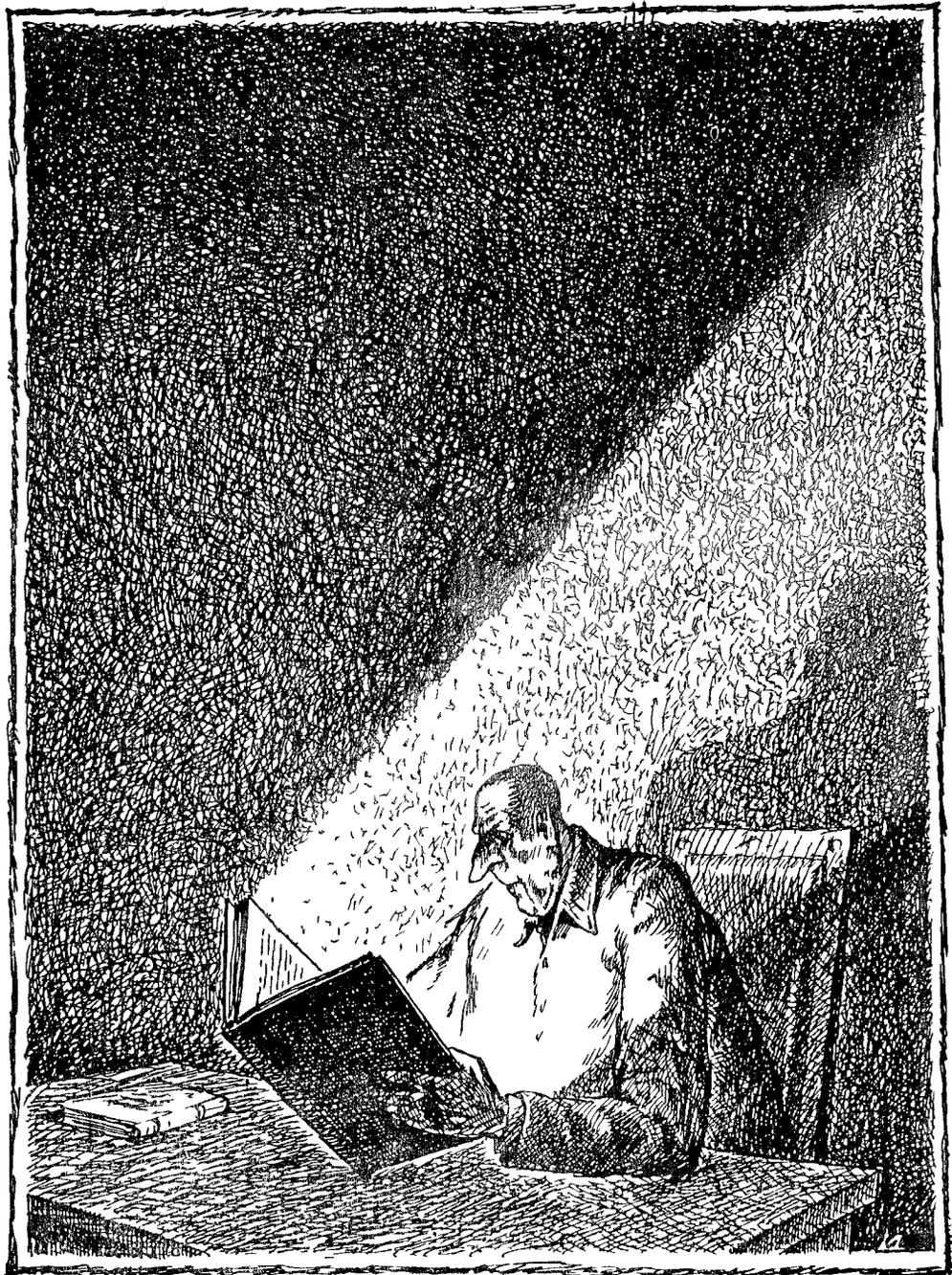
Юристы за и против суда присяжных

«ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ СТРАХА...»

Исповедь в присутствии иностранцев

ISSN 0320 8801

11/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Наше интервью

В. ОРЕЛ. КУДА ИДЕТ СКЗМ

6

Круглый стол

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

14

Проблемы и суждения

И. МАЛАШЕНКО. ЧЕМ СИЛЬНЕЕ — ТЕМ ЛУЧШЕ?

23

О правде в нас и вокруг нас

И. ГЛАН. КТО МЫ И ЧТО МЫ

28

«Уважаемая редакция...»

Уменьшенный объем этого выпуска не дает нам возможности представить редакционную почту во всем ее разнообразии и остроте суждений. Редакция рассчитывает наверстать упущенное в следующих номерах.

Иск!

Освещение прессой и телевидением козней наших отечественных фашистов приводит меня в изумление. Обыкновенный фашизм, даже по мундиру не отмежевавшийся от итало-немецкой родни (черные рубашки охранных отрядов «Памяти»). Не странно ли: каких-нибудь школьников, нестандартно изобразивших благонамеренные лозунги, милиция то и дело кидается разгонять и душиить, а неофашистов из «Памяти», сознательно разжигающих расовую ненависть, пальцем не трогают — лишь поругивают в прессе, создавая желательную для них рекламу. Почему уголовное преступление, да не какое-нибудь, а тягчайшее — так как пропаганда фашизма относится у нас

именно к этой категории — не влекут за собой наказания? Дико, фантастично, но факт — власти бездействуют... Что делать?

Я думаю, вот что: пора официально вчинить иск конкретным представителям тоталитарных движений, выступающих с расистскими заявлениями. Юридическим лицом, прямо заинтересованным в иске, является Советский комитет защиты мира. Сам бог велел защитникам мира выступить против войны и расизма не на словах. Суд, хочет или не хочет, вынужден будет рассмотреть этот иск — и дело пойдет на лад!

Сергей СПЕРАНСКИЙ,
г. Новосибирск.

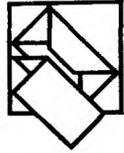
Военный против «военщины»

Как военного, профессионала, отдавшего армии более двух десятилетий, меня заинтересовали публикации в вашем журнале на тему: армия и общество. Многое в них правда, но правда неполная — ведь критики глядят на жизнь военных снаружи. А охватив критическим взором армейский организм изнутри, вы увидели бы еще более мрачную картину.

Военнослужащие — это самая бесправная часть граждан СССР, бесправнее их одни заключенные. Из всех политических прав за ними сохранено только одно, определяемое Дисциплинарным уставом Вооружен-

ных Сил СССР. А именно — «право подавать жалобу о незаконных в отношении его действиях и распоряжениях командиров (начальников), о нарушении установленных по службе прав и преимуществ или о неудовлетворении его положенным довольствием...»

Однако и это куцее право усечено таким огромным количеством оговорок и официальных ограничений в применении, что им на деле почти не пользуются. Тем более, что, являясь абсолютно рабски зависимым от командиров и начальников, любой военнослужащий, доведенный до отчаяния и осмеливший-

ся подать жалобу, автоматически превращается в объект организованного притеснения, а нередко и травли. Ныне достаточно хорошо известно, чем обычно заканчивается даже самая обоснованная жалоба в условиях гражданской жизни. В условиях же армейской жизни «бумеранг» бьет по жалобщику многократно сильнее.

И все же диалектика военного дела такова, что наряду с бесправием низов в Вооруженных Силах имеет место и всевластие верхов. Путь от бесправия к всевластию исключительно один — успешная карьера. Только вертикальная социальная мобильность обеспечивает статус человека в условиях воинской службы. Однако условия вертикальной мобильности таковы, что обеспечивают непрерывную селекцию верхнего эшелона военного руководства самим этим военным руководством. Офицерам без связей туда путь закрыт.

Это и есть **военщина**.

Наличие в стране военщины, военно-промышленного комплекса и милитаризма — такой же реальный факт, каким является и то, что упомянутая военщина будет всегда с пеной у рта ожесточенно доказывать, что у нас всех этих явлений не было, нет и никогда не будет. Вот почему следует всегда отличать военных от военщины. К военщине (кровно заинтересованной в милитаризме) правильнее всего будет отнестись тех, про кого в войсках говорят, что они «служат в Арбатском военном округе». Военщина — это тесно переплетенные служебными, родственными и протекционистскими связями военные династии. Причем как раз те династии, о которых никогда не пишут и на которые никогда не замахивается пресса. Это — элитарные династии.

Маленький пример из жизни. Недавно увольнялся в запас один из моих сослуживцев, полковник. При

прощании грустно заметил: «Начинал службу лейтенантом, когда командующим был генерал Ш. И увольняет меня через три десятилетия службы тоже командующий, генерал Ш. Только не тот, первый, а его сын».

Бытует в нашей армейской среде и анекдот с весьма глубоким смыслом: «Может ли сын генерала стать маршалом? — Нет. — Почему? — А у маршала свои дети есть». Вот эта-то армейско-флотская элита тесно срослась с элитой партийной, государственной, научно-технической, производственной, транспортной, торговой. Узлы сращивания этих элит образуют определенную систему, которая и является военно-промышленным комплексом со всеми вытекающими из этого факта последствиями, включая милитаризм.

Все остальные (кроме высшего руководства) военнослужащие — просто подневольные люди. Причем не только солдаты, но и офицеры, многие из которых действительно тяготеют к воинской службе, а подчас и ненавидят ее. Но офицер, сделавший подчас в молодости неверный профессиональный выбор, не имеет права добровольно покинуть военную службу. Он закабален, как минимум, на четверть века. Вот почему некоторые умышленно становятся на путь пьянства, нарушения дисциплины, чтобы, пусть и с «волчьим билетом», но вырваться из армии... Уйти от военной рутины, чтобы сохранить личное достоинство, восстановить человеческий облик, почувствовать себя, наконец, полноправным гражданином: не профессиональным разрушителем, а профессиональным создателем.

Вот такие грустные истины открываются при взгляде на армию изнутри. Главной причиной всех нынешних, связанных с армейской службой негативов я считаю происшедшую в годы сталинизма деформацию, в результате которой принцип единоначалия превратился в

принцип всевластия. Единоначалие предполагало контроль за руководителями и снизу, и сверху. Всевластие подавило контроль снизу и «приручило» контроль сверху. В силу постепенной унификации, нивелирования этот контроль сверху в конце концов перестал затрагивать саму власть и ее носителей, переориентировался лишь на проверку результатов функционирования этой самой власти.

Основным инструментом всевластия является функционирующая система кадровых органов (в армии ее обобщенно называют «кадры»; отсюда понятно, какой зловеющий смысл обретают в армейской среде при словья «Кадры решают все», «В кадры вызван — надо ждать» и другие.) Паутина этой системы опутала все Вооруженные Силы, омертвила происходящие в ней процессы, заформализовала условия прохождения службы военными кадрами, выработала по заказу элиты механизм селекции в интересах непрерывного воспроизводства всевластия. Вот почему сегодня уже даже со страниц «Красной Звезды» раздаются призывы поставить деятельность кадровых органов под контроль армейской общественности.

Без Вооруженных Сил, увы, пока еще обойтись нельзя, без принципа единоначалия тоже — где же выход? Мои предложения, вкратце, таковы.

Во-первых, можно сокращать и сокращать Вооруженные Силы как на основе взаимных договоренностей с вероятными противниками, так и на основе реализации определенного XIX Всесоюзной конференцией КПСС нового курса в оборонном строительстве — курса, исходящего из смены приоритетов (в материалах конференции провозглашается: «Все оборонное строительство должно отныне быть ориентировано преимущественно на качественные параметры — как в отношении техники, военной науки, так и состава вооруженных сил.»)

Во-вторых, очистить армию и флот от военщины, тормозящей демокра-

тизации в войсках, демилитаризацию общества в целом.

В-третьих, лишить кадровые органы их прерогатив и передать функцию аттестования, выдвижения и перемещения военных кадров армейской общественности.

В-четвертых, вывести предприятия оборонного профиля, научно-исследовательские, конструкторские, испытательные, проектные и строительные (вплоть до ликвидации военно-строительных формирований) организации из непосредственного подчинения министерству обороны, активнее внедрять на них хозрасчет.

В-пятых, можно и нужно гуманизировать Вооруженные Силы, восстановить ленинскую концепцию единоначалия, отвергающую всевластие, а также восстановить юридическое полноправие военнослужащих как граждан СССР, поставить под контроль армейской общественности деятельность командиров, начальников, политорганов.

В-шестых, поставить воинские части под контроль местных Советов народных депутатов, а армейские партийные организации — под контроль местных партийных комитетов.

В-седьмых, сделать и армию элементом народной дипломатии — проводить встречи и обмены с военнослужащими вероятного противника.

В-восьмых, изменить приоритеты в политико-воспитательной работе с военнослужащими армии и флота в интересах демилитаризации массового сознания, воспитания в духе мира.

Такого рода комплекс практических мер мог бы позволить не только обуздать «социалистический» милитаризм, но и решить острейшие социальные проблемы в армии и на флоте («дедовщина», уклонение от воинской службы, пьянство и наркомания и др.)

Понимая возможные последствия, тем не менее, прошу редакцию опубликовать мой отклик.

Майор Павел ВЕНТУР.

Правду, и только правду

Ваш журнал много сделал и делает для развенчивания вредных догм и упрощений, с помощью которых десятилетиями насаждались примитивные и недемократические направления во внутренней и внешней политике страны. Особенно хорошо показана несостоятельность тщательно взлелеянного в предыдущие годы «образа врага», который широко использовался в пропагандистских целях.

Сейчас, когда благодаря усилиям прежде всего СССР, утверждается новая коллективная ответственность за судьбы мира и все шире распространяется новое политическое мышление с общечеловеческими этическими приоритетами, недопустимо возрождение этого зловещего образа, перенесение акцентов с внутренних причин на «происки врагов социализма».

Однако вновь приходится наблюдать, как наши недоработки и упущения пытаются списать на подстрекательство и злонамеренную пропаганду внешних врагов.

Если достойным ответом всем «злопыхателям» не стал «построенный в боях социализм», то и агрессивная, и часто неуклюжая и негибкая полемика тем более не придаст нашей стране большей привлекательности. Единственная возможность повышения престижа СССР — это правдивая и возможно более полная информация, честное признание ошибок и, самое главное, активная пропаганда нового мышления, динамизма концепций перестройки, гласности и демократизации.

И мы многое теряем и в глазах всего мира, и в глазах наших граждан, когда вместо объективного фактического анализа межнациональных противоречий наша пресса обходится двумя-тремя заклинаниями о дружбе народов и, формально признавая сложность вопроса, все-таки идет по столь привычному и ранее безотказному пути, обвиняя западные спец-

службы и радиоголоса в подстрекательстве.

Это оскорбительно не только для нашего народа, который представляют сборищем наивных, растерянных и политически дезориентированных людей, но и для нашей прессы, нашей пропаганды, нашей идеологии в конце концов.

Ереванцы были свидетелями влияния публикации газеты «Правда» «Эмоции и Разум» на события в городе. Десятки тысяч людей оставили места работы и учебы и пошли к редакциям местных газет, скандируя: «Правда, пиши правду» и «Позор прессе». Так что никто и ничто не может оказать большего влияния на народ, чем собственные средства массовой информации.

Вопрос о Нагорно-Карабахской АО — чисто внутренний вопрос. Никто его извне не инспирировал и не навязывал. Никакие провокации не вызовут миллионных демонстраций, если не задеты глубинные, самые существенные интересы народа.

К сожалению, такой подход нашел продолжение и в публикации «Правды» — «Подстрекатели», где опять-таки очень большое внимание уделялось зарубежным радиостанциям и желанию «определенных» зарубежных кругов превратить территорию нашей страны в «арену устойчивых и ожесточенных межнациональных и социальных конфликтов».

Авторы статьи забывают, что не только внешних и внутренних «подстрекателей» не устраивает сложившаяся в СССР политическая система. Она в первую очередь не устраивает большинство советского народа. Наша перестройка как раз и является революционным процессом преобразования всей политической системы. И решать межнациональные вопросы, как бы ни были они сложны, надо в рамках этого процесса.

А. ЧИЛИНГАРЯН,
член парткома Ереванского
физического института.

Куда идёт СКЗМ?

Беседа с первым заместителем председателя Советского комитета защиты мира В. Н. Орлом

— Судя по сообщениям средств массовой информации, создается впечатление, что в последнее время в Советском комитете защиты мира происходят новые, необычные процессы. В связи с этим иногда спрашивают: что это — отражение реальных перемен перестроечного характера или же результат хорошо поставленной рекламы?

— Как мы сами сейчас начинаем понимать, реклама — это не заведомо «плохо». Но в данном случае речь идет о другом — о гласности в деятельности общественной организации. Ведь может быть организовано исключительно важное с общественной и политической точки зрения мероприятие, но если оно осталось достоянием лишь его непосредственных участников, если о нем не узнала широкая общественность, то и его ценность резко снижается. Сам смысл деятельности общественной организации в ее публичном характере.

Согласен, что сейчас больше стали писать и говорить об инициативах СКЗМ. На это есть и объективные, и субъективные причины. Если начать с последнего, то, действительно, связям с прессой, «паблик рилейшнз» в Комитете стали уделять больше внимания. Но в конечном счете все зависит от того, о чем писать. Сейчас журналистов директивой «сверху» не очень-то обяжешь «широко осветить». Им нужна новость. Может быть, именно потому, что сейчас в работе Комитета много нового, журналисты охотнее берутся за освещение его отдельных акций.

К примеру, одна из последних наших инициатив, связанная с началом унич-

тожения советских ракет в соответствии с советско-американским договором о ликвидации РСМД. Это произошло 1 августа. О самом факте много писалось, но какова была здесь роль СКЗМ?

Все началось намного раньше, когда только стала вырисовываться реальная возможность заключения такого договора. Нам, в Комитете, пришла идея, которая, признаться, если и выглядела привлекательной, то для многих казалась мало реальной. Но, как говорится, будь реалистом, требуй невозможного. Идея заключалась в том, чтобы международная миролюбивая общественность взяла под свой контроль практическое выполнение обеими сторонами советско-американского договора. Общеизвестно, какой большой вклад внесли антивоенные движения в борьбу против «евроракет», что в значительной мере подтолкнуло руководителей СССР и США к началу переговоров. И если, как думалось тогда, договор будет заключен, то его честное выполнение — по букве и духу — общественность будет считать своим кровным делом, тем более, что в кругах НАТО уже заблаговременно стали активно разрабатываться планы, как обойти договор, «компенсировать» сокращение вооружений путем «модернизации».

Эту идею мы конкретизировали в ходе публичного обсуждения договора, проведенного нами параллельно с его официальным обсуждением в Верховном Совете СССР.

Кстати, это важное событие почему-то незаслуженно было обойдено вниманием средств массовой информации. А ведь общественное обсуждение меж-

государственного договора состоялось впервые за всю историю нашей страны. Я понимаю, что показать всю значимость этого необычного явления требует от журналиста соответствующей подготовки, да и просто работы. Здесь на заранее заготовленном пресс-релизе не выедешь.

— Это, надо понимать, камень в наш журналистский огород?

— Это лишь пример того, что количество материалов о наиболее ярких событиях еще не создает общей картины и не раскрывает внутренней сложности и ответственности перестроенных процессов, происходящих в Комитете. Здесь, в порядке самокритики, нужно признать вину самого руководства СКЗМ, которое, увлекшись практическими делами, не нашло времени связно рассказать об этом.

Но позвольте завершить предыдущую мысль. Мы обратились в Министерство обороны СССР и достигли договоренности о том, что на первом акте уничтожения ракет в Сарыозеке будут присутствовать в качестве наблюдателей представители советской общественности и крупнейших зарубежных антивоенных движений, приглашенных СКЗМ.

Конечно, для журналистов это была новость с большой буквы. Но для того, чтобы ее сделать, потребовалась длительная подготовительная работа, нужно было решать массу конкретных проблем, которые нередко с первого приступа казались неразрешимыми. Ведь это было впервые. Впервые масса посторонних, в том числе иностранцев, ступала на территорию, бывшую до сих пор под прифом «совершенно секретно». Представляет психологическое состояние наших военных.

— Понятны важность и сложность того, что впервые. Но это был единственный акт, ведь не собираетесь же вы организовывать такое действие по случаю каждого взрыва ракет. Интересно узнать, что нового появляется в долгосрочных направлениях, в частности, в развитии зарубежных связей. Будут ли их участниками «избранные» или же откроется возможность и для простых людей, которые, как представляется, и

должны осуществлять провозглашенную вами народную дипломатию.

— Что касается ракет, то вы совершенно правы, их уничтожение уже поставлено чуть ли не на ежедневный поток. А вот вопрос, поставленный вами, касается одной из самых важных, кардинальных сторон перемены не просто в деятельности, но в политике Комитета.

Действительно, мы выступили за то, чтобы наша внешняя политика и наше участие в международных отношениях, были результатом деятельности не только официальной, но и народной дипломатии. Непосредственное участие простых советских граждан в международных обменах — это важная, но всего лишь часть этой общей проблемы. А суть состоит в том, чтобы внешнеполитическая деятельность нашей страны, а она самым что ни на есть тесным образом связана с задачей сохранения мира, перестала быть закрытой областью для широкой общественности, чтобы так же, как мы публично обсуждаем, к примеру, проблемы Байкала или реформы политической системы, обсуждались и кардинальные внешнеполитические вопросы.

В чем здесь изменение политики СКЗМ?

Нужно вспомнить, как и ради чего создавался Комитет. Как и все остальные родственные общественные комитеты, он был создан «сверху» (в то время, а это был 1949 год, иначе и быть не могло) ради выполнения двух основных задач: во-первых, продемонстрировать за рубежом, то есть «им», что советская внешняя политика пользуется полной поддержкой и одобрением со стороны советского народа и, во-вторых, обеспечивать поддержку и одобрение внешней политики СССР со стороны зарубежной общественности.

Такова была первичная концептуальная модель СКЗМ, которая сохранялась в жестких рамках несколько десятилетий. Это мы сейчас имеем возможность вслух говорить о том, что функция общественной организации в нашей стране состоит не только в этом. Но еще буквально в историче-

ском вчера не допускалась сама мысль о том, что можно подвергнуть сомнению официальную внешнеполитическую линию, что могут существовать и выдвигаться альтернативные предложения, что вообще общественное мнение в вопросах обеспечения мира может не совпадать с официальными позициями.

На последнем, кстати, строилась целая система теоретических доказательств отличия положения общественного мнения в условиях социализма по сравнению с капитализмом. Признавая, что основным признаком общественно-го мнения является то, что оно является неофициальным (а не признавать этого, означало бы просто лишить общественное мнение права на существование), одновременно доказывалось, что в условиях социализма сплошь и рядом происходит совпадение обоих видов мнений, наиболее ярким подтверждением чему является существующее в СССР морально-политическое монолитное единство по вопросу о мире. При этом утверждение: «У нас все за мир» считалось настолько всеохватывающим аргументом, что и дискутировать тут нечего.

Принципиальный пересмотр предназначения СКЗМ, его основных задач и функций — а это не одноразовый акт, а сложный теоретический и практический процесс — начался с внедрения совершенно новых направлений и форм деятельности под общим названием «народная дипломатия».

Вы упомянули международные обмены и участие в них «избранных» и «простых». До сих пор зарубежные связи по линии Комитета, несмотря на то, что они очень широкие и разнообразные по охвату самых различных политических и общественных сил, давали возможность выезда за границу довольно ограниченному числу людей. А ведь именно в заграничных поездках состоит острота проблемы. Когда речь идет об обмене официальными делегациями, участии в международном семинаре или конференции, то численный состав каждой делегации можно пересчитать по пальцам, при этом достаточно одной руки. Критерий подбора членов таких делегаций определяется функциональной необходимостью каждого из

них для данного конкретного случая. Нередко в соответствии с просьбами зарубежных партнеров. Нужен депутат, нужен специалист по проблеме разоружения, нужен политолог и т. д. и т. п.

Такие обмены и такие делегации очень нужны и полезны, жаль только, что об этом очень мало пишется. Но сейчас, как мы видим, этого мало. Мы хотим, чтобы народная дипломатия была народной не только по своему содержанию, но и по форме, по составу ее исполнителей. А это означает вовлечение в нее «среднего русского», под чем мы понимаем обыкновенного советского человека.

Какова ставится при этом стратегическая цель? Очень простая, но исключительно важная. Преодоление «образа врага», который, к сожалению, определяет отношение к СССР многих стран, да и чего греха таить, и наше отношение ко многим из них, хотя далеко не в такой же степени. Устранение духа конфронтации, недоверия и враждебности. Одних самых прекрасных межгосударственных соглашений для этого недостаточно. Нужна солидная, долговременная база, которая может быть создана самими народами, цитируя американцев, «на уровне корневой травы».

— В каких практических делах Комитет реализует народную дипломатию?

— Нужно сказать, что мы только начинаем, только открываем это совершенно новое поле деятельности. Но кое-что уже есть.

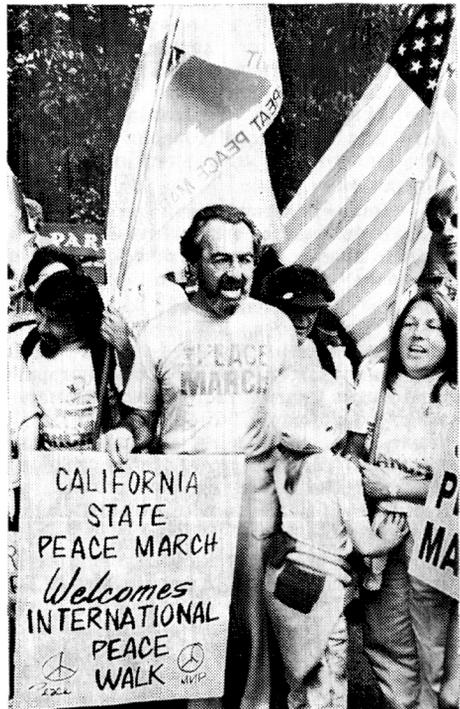
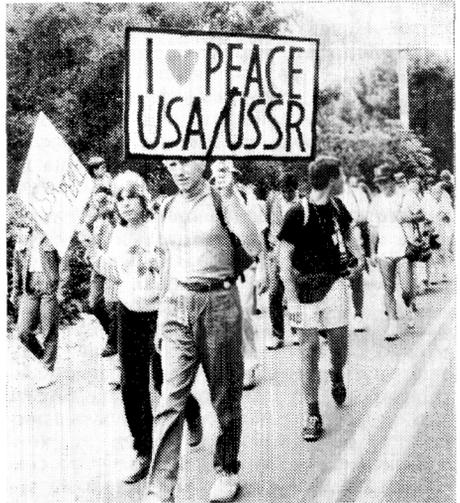
Прежде всего мы обратили внимание на возможности специализированного политического туризма. Такие спецгруппы человек по двадцать-тридцать формируются как самим СКЗМ, так и непосредственно рядом местных комитетов мира при финансовом содействии Советского фонда мира. Конечно, в программу их пребывания входит и ознакомление с туристическими достопримечательностями, но главное — это встречи и дискуссии, узнавание друг друга, как говорится, из первоисточника.

С одной американской организацией мы реализуем интересный совместный проект, который можно было бы наз-

вать «Знакомство среднего американца и среднего советского». Почти ежемесячно мы направляем в США группы по двадцать человек, которых разбирают по американским семьям, где они живут, питаются и постоянно общаются. Кто-то снобистски назвал это «кухонной дипломатией». А где как не на кухне происходит самый откровенный разговор о самых простых и близких каждому человеку вещах? И если закомплексованный антисоветской пропагандой американец, его жена и дети сами убеждаются, что у их «красного гостя» нет ни рогов, ни копыт и даже портативной атомной бомбы в кармане и что его волнуют те же житейские проблемы — работа, квартира, семья, отпуск — то, вряд ли, потом он на веру будет воспринимать нас, советских, в образе мистического врага. Да и нам не грех отрешиться от многих устоявшихся стереотипов об американцах и всерьез поучиться тому, как бы и нам достичь столь высокого материального уровня.

Но, может быть, самым необычным начинанием являются совместные советско-американские пешие походы по территориям обеих стран. Первый такой поход состоялся в прошлом году по маршруту Ленинград — Москва, второй недавно прошел по американской территории и третий — опять же по нашей территории от Одессы до Киева и до Москвы в августе — сентябре этого года. С каждой стороны в этих походах на постоянной основе участвуют примерно по 220 человек. Конечно, там, где проходит такой марш мира и взаимопонимания, количество местных участников многократно увеличивается, и в этом одна из его основных ценностей.

Видимо, нет смысла мне подробно рассказывать, как проходят эти совместные акции — почти во всей нашей «большой прессе» очень много писалось, в частности, о походе по США. Это и понятно, ведь это был настоящий массовый прорыв советских в американскую глубину впервые за

Фотогневник советско-американского похода за мир. Автор — А. Стадник.

всю историю существования наших двух стран. Ничего подобного никогда ранее не было. Нет, простите, что-то подобное было — это состоявшееся в прошлом и в этом году два совместных круиза мира по Миссисипи, в которых с нашей стороны участвовало примерно по пятьдесят человек. Это тоже одна из форм реализации народной дипломатии.

Кстати, с американцами народная дипломатия развивается наиболее успешно. С западноевропейцами как-то это идет труднее. Не знаю, что здесь играет роль — то ли специфика психологии, то ли иные материальные возможности, то ли все-таки лучшее знание друг друга в отличие от нас с американцами. А с ними кроме того, что я уже упомянул, разрабатываются и осуществляются еще и конкретные совместные проекты — по созданию скульптурных композиций на тему мира и взаимопонимания, производству кинофильма и мультфильма, созданию антологии детской литературы и др. Все эти проекты несут в себе одну нагрузку — рассеять существующие враждебные стереотипы, утверждать дух взаимного доверия и уважения, при этом в практических совместных делах.

— Надо полагать, что не все так гладко получается на практике. Да и в нашей прессе были критические статьи по поводу похода по США.

— Вы еще очень мягко сказали. На деле получается, как по поговорке: «Гладко было на бумаге...» Если бы я вам рассказал, к примеру, всю историю подготовки совместного советско-американского концерта, который мы провели (опять же впервые в истории) летом прошлого года на московском стадионе в Измайлове после первого похода, то это было бы не менее захватывающе, чем детектив Агаты Кристи.

Учите, что в таких начинаниях у нас нет еще опыта. Да и поучиться не у кого. Приходится сталкиваться с совершенно неожиданными вещами, преодолевать собственную рутину, укоренившуюся психологию «а вам что больше всех нужно?» Совершаем ошибки, делаем «проколы», набиваем шишки, а плюс к этому создается какое-то не-

приятное ощущение, что кто-то пытается еще сделать подножку.

— Что вы имеете в виду?

— Вы сами затронули вопрос о критических выступлениях в нашей прессе. Но ведь критика критике — рознь. Если А. Нежный в своей статье в «Московских новостях» сначала «обличает» ответственного секретаря СКЗМ, депутата Верховного Совета СССР В. Федосова, а затем, будучи публично уличенным, мягко говоря, в неточности, вынужден приносить извинения, то можно ли верить всему остальному, что он написал про поход по США? А чем лучше была статья С. Дардыкина в «Известиях»?

У читателя в результате может складываться общая картина — дерьмо этот поход, если в нем творятся подобные вещи, да и с СКЗМ следовало бы разобраться. В ту ли сторону они так ретиво перестраиваются.

— Ну, хорошо, безотносительно к конкретным статьям. При дальнейшем развитии народной дипломатии и вовлечении в зарубежные обмены все большего числа людей, все острее будет возникать вопрос о подборе участников отдельных мероприятий, в частности, проходящих за рубежом. Видите ли вы эту проблему и как собираетесь ее решать?

— Это вопрос по существу и очень непростой. Начать с критериев комплектности делегации советской общественности за рубеж. Я имею в виду относительно массовые делегации. Сейчас применяется следующий принцип — определенная часть делегации комплектуется, так сказать, по центральному списку самим СКЗМ из числа известного актива с тем, чтобы обязательно учесть те специфические задачи, которые будут стоять перед данной делегацией. Большая же часть формируется из кандидатов, отобранных и рекомендованных местными комитетами мира из числа своего актива, который им, вполне понятно, известен лучше, чем в центре. На местах этот отбор производится по-разному — где в обстановке полной гласности, даже путем выборов в трудовых коллективах, а кое-где, чего греха таить, еще келейно.

Соответствует ли этот принцип нынешнему положению в нашем обществе? Является ли он достаточно демократичным? Гарантирует ли он, что советское движение за мир представляют за рубежом именно те люди, кто достоин?

Это те вопросы, над которыми мы думаем. Если кто-либо готов дать добрый совет, то мы были бы благодарны.

Уже есть одна идея, которую можно было бы испытать в качестве эксперимента при комплектовании таких больших делегаций, как, к примеру, на советско-американский поход. Почему бы не обратиться к пяти-шести крупным предприятиям из разных регионов страны с предложением, чтобы они выступили в роли спонсоров. Они могли бы демократическим путем выбрать кандидатов, и не просто выбрать, но и взять на себя финансирование их поездки, соответствующее материальное обеспечение и т. п. В качестве официальных спонсоров таких крупных акций могли бы быть и отдельные органы массовой информации. Прецеденты уже есть. Так, совместно с газетой «Вечерняя Москва» СКЗМ провел на стадионе «Олимпийский» большой благотворительный концерт, сбор от которого пошел на создание реабилитационных центров для наших воинов, раненых в Афганистане.

Надо искать и пробовать. Хотя, если оставаться реалистом, надо признать, что любой принцип будет несовершенным и может подвергаться критике, если без изменения останется нынешний общий порядок выезда советских граждан за границу. До тех пор пока возможность такой поездки — хотя бы с правовой точки зрения — не будет доступна всем желающим, мы будем постоянно испытывать напряжение. Ведь СКЗМ — это не туристская фирма, он ни финансово, ни организационно не в состоянии удовлетворить не только всех желающих, но и самых достойных.

В этой проблеме есть еще одна проблема, общая для всех организаций, оформляющих заграничные поездки. Все об этом знают, все от этого спрадают, но дружно молчат. Общеизвестно, что существующий порядок оформления

загранкомандировок носит разрешительно-запретительный характер. Даже если мы самым демократическим образом подбираем состав делегации, это еще вовсе не означает, что все кандидаты смогут поехать. Поедут те, на кого будет вынесено разрешительное решение. Для этого нужна куча документов. С их оформлением и присылкой, особенно не из Москвы, как правило, происходят задержки, поэтому сплошь и рядом решения на выезд выносятся в последний момент, нередко буквально за несколько часов до отлета самолета. А на некоторых решения вообще не выносятся, чаще всего без объяснений заинтересованным истинных причин.

Представляете, какая случается нервотрепка в делегации? А как себя чувствует тот или та, кто в конечном счете не поехал? А ведь все претензии и критика предъявляются к комитету. К Комитету защиты мира, а не к тем комитетам, которые принимают решения о выезде. Справедливо ли это?

— **Согласен, что это не очень справедливо по отношению к комитету. Кстати, а как вы относитесь к тому, что такая общественная организация называется комитетом? Не отдаст ли сейчас от этого каким-то учрежденческим духом?**

— Отдает. Но вы затронули тем самым более фундаментальную проблему. Дело в том, что нынешняя деятельность СКЗМ уже довольно далеко вышла за рамки той первоначальной концепции, на основе которой был сформирован СКЗМ и которой соответствовало его наименование — «комитет».

Нетрудно заметить, что структура комитета была создана по образу и подобию организаций, имеющих членов, — партия, профсоюзы, комсомол.

Но СКЗМ выступает от имени движения за мир, которое не имеет формального членства. В этом весьма существенное различие. Поэтому комитет не только является в узком смысле руководящим органом движения (по аналогии с центральными комитетами), но одновременно он действует как самостоятельная общественная организация, как демократический институт политического волеизъявления советской общественности по различным аспек-

там миротворческих проблем. Этой второй функции, которая сейчас получает особое развитие, слово «комитет» уже не очень подходит.

Немало сомнений также высказывается и по поводу другого слова в названии нашей организации, а именно «защита». Ведь оно появилось в определенное историческое время, в период обострения «холодной войны», которому соответствовал и определенный политический лексикон. Сейчас меняется общее представление о мире. Теперь мы понимаем мир не только как состояние «без войн и оружия», не только как не-война, хотя, само собой разумеется, без этого никакого мира быть не может. Понятие современного мира намного расширилось, включая в себя такие категории, как демократические свободы, социальная справедливость, права человека. Дейлская декларация говорит о мире, свободном от ядерного оружия, свободном от насилия и ненависти, страха и подозрительности. Современное понимание мира включает в себя также экономическую и экологическую безопасность. Иными словами, сейчас уже недостаточно видеть мир лишь в военно-политическом измерении, как и недостаточно говорить лишь о его защите от происков империалистических поджигателей войны. Мир как новое, более высокое качество жизни человека нужно творить. А миротворчество предполагает прежде всего не конфронтацию и борьбу, а диалог и сотрудничество.

— Надо понимать так, что вы за изменение названия?

— Вообще-то, не в названии дело, хотя оно должно соответствовать характеру выполняемых функций, и если функции меняются, то надо не бояться менять ставшее привычным название.

Надо еще подумать, каким бы оно должно быть. Может быть, «Совет мира». А может, не «совет», а «ассоциация» или «федерация». Все будет зависеть от того, какой окончательно сформируется концепция СКЗМ. По-моему, надо было бы вынести все эти вопросы на общественную дискуссию с тем, чтобы подойти готовыми к предстоящей конференции советского движения за мир.

— Когда она будет?

— В соответствии с существующим положением СКЗМ, всеобщие конференции созываются раз в пять лет, и очередная должна быть в 1990 году. Но мне представляется, что назрела необходимость следующую конференцию провести раньше. Да и вообще надо подумать над периодичностью проведения конференций пять лет — слишком большой срок для столь мобильно-го движения.

— Вы упомянули о формировании новой концепции СКЗМ. В чем ее новизна?

— Новая концепция СКЗМ — это не дань моде и не субъективное пожелание кого-либо. Сама жизнь этого требует. И не просто требует, а уже делает, не спрашивая ни у кого позволения.

В чем основная проблема? Прежде всего в изменении содержания деятельности СКЗМ. Ведь Комитет со дня своего рождения был ориентирован в своей работе на зарубеж, вовне. И сейчас развитие связей с зарубежными антивоенными и различными другими миротворческими организациями и движениями составляет основную часть всего объема работы. Но уже не весь объем, как было раньше. Резко возрастает внутренняя работа, связанная с изменениями нашего собственного движения за мир, которое поднимается на качественно новую ступень в условиях развития демократических процессов в нашем обществе. Идет формирование действительного а не мнимого движения советской общечеловечности за мир. За мир, понимаемый в широком смысле. Применительно к конкретной ситуации в нашей стране, это означает за перестройку.

Нет, не поймите это как конъюнктурный политический лозунг. Демократическому по своему нутру движению за мир (вспомните слова Ленина о том, что наибольшее проявление демократии — это в вопросе о мире) как жизненно необходимый кислород нужна перестройка, базирующаяся на демократии и гласности, реальном участии народа в политическом процессе.

Но и перестройке необходимо движение за мир. Нельзя не видеть того,

что с дальнейшим утверждением плюрализма все большее развитие будут получать центробежные тенденции, создающие угрозу идейно-политического раскола нашего общества и даже конфронтации. Общечеловеческая идея движения за мир является унитарной платформой для позитивных действий во имя благородной цели практически всех граждан нашей страны — партийных и беспартийных, верующих и неверующих, «формалов» и «неформалов».

В период перестройки деятельность СКЗМ во все большей степени ориентируется внутрь своей страны на решение актуальных проблем советского общества. А это неизбежно влечет за собой изменение его роли и места в общественно-политической системе. То, что сейчас функции СКЗМ значительно расширяются и усложняются, это, как говорится, лежит на поверхности. Но это — процесс. Поэтому многое еще не оформилось, находится в стадии эксперимента и апробования. Требуется серьезная теоретическая работа.

И не только теоретическая, но и политическая, так как далеко не все, в том числе и «наверху» поддерживают такую эволюцию СКЗМ.

Однако уже сейчас ясно, что Комитет обладает предпосылками для того, чтобы быть каналом и организатором выражения общественного мнения в СССР по вопросам мира и безопасности, проводником этого мнения через директивные и законодательные органы и инстанции. И не только проводником, но и оппонентом, если потребуется.

— Но при этом, видимо, надо учитывать плюрализм общественного мнения по миротворческим вопросам, а также плюрализм в организационной структуре. Ведь наряду с СКЗМ существуют другие миротворческие движения и организации — движения врачей, ученых, педагогов, спортсменов, комитеты за европейскую безопасность, солидарности стран Азии и Африки, с народами Латинской Америки и другие.

— Разумеется, Комитет защиты мира не является монополистом в деле мира. Сейчас вовсе неуместны заявления прошлых лет «от имени всей миролю-

бивой советской общественности». Но с другой стороны, нет никакого смысла искусственно дробить миротворческие усилия советской общественности, создавать новые организации, не имеющие под собой реальной основы. Посмотрите что происходит в работе уже существующих родственных комитетов, которые вы упоминали. Ведь и мы, и они опираемся практически на один и тот же актив в СССР, а за рубежом выходим в подавляющем большинстве на те же силы.

— То есть происходит дубляж?

— Конечно, у каждого сохраняется еще своя специфика, но чем дальше, тем меньше. Чтобы избежать дубляжа и более эффективно действовать, рано или поздно придется подумать о каких-то новых формах координации усилий. Может быть, в форме федерации ряда комитетов?

Как мне представляется, с дальнейшим развитием демократического процесса будет усиливаться воздействие фактора естественного отбора на формирование структуры общественных организаций, каждая из которых все более будет вынуждена доказывать свою необходимость советскому обществу реальными делами. Кто знает, какова будет картина, скажем, через пять лет, каково будет положение сегодняшних официальных и неформальных организаций. Кстати, мы практически не затронули проблему появления в последнее время различных объединений гражданских инициатив и отношений с ними СКЗМ, но это особый вопрос. Что касается Комитета защиты мира, то я вижу в нем большие потенциальные возможности, которые только-только начинают раскрываться.

Обо всех этих вопросах надо говорить вслух. И мне представляется, что в организации общественной дискуссии о стратегическом развитии советского движения за мир может и должен играть роль «Век XX и мир». Не надо забывать, что это орган СКЗМ.

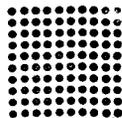
Интервью провел А. ВАСИЛЬЕВ

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Обеспечение прав человека как основная задача создания правового государства

Давно уже вопросы права и законности не были в нашем обществе столь популярны. Едва ли какой-либо номер газеты или журнала, обсуждение острых общественных проблем за круглым столом или на массовом митинге обходится сегодня без вопросов о правовой обеспеченности перестройки, надежных правовых гарантиях развития демократии. Идея правового государства, выстраданная десятилетиями бесправия, мгновенно завладела умами людей, заставила интенсивно искать пути ее реализации.

Об этом — публикуемый ниже разговор юристов, обеспокоенных недостатком «человеческого содержания» не только в репрессивной правовой практике, но и в привычных категориях законности и правопорядка, традиционном массовом правосознании. Участники дискуссии: Александр БОЙКОВ — зав. сектором ВНИИ Прокуратуры СССР, доктор юридических наук, профессор; Сергей ВИЦИН — начальник кафедры криминологии Московской высшей школы милиции МВД СССР, д.ю.н.; Виктор КОГАН — старший научный сотрудник Института государства и права АН СССР, д.ю.н.; Полина ЛУПИНСКАЯ — зав. кафедрой уголовного процесса Всесоюзного юридического заочного института, д.ю.н., профессор; Инга МИХАЙЛОВСКАЯ — д.ю.н., профессор Академии МВД СССР; Тамара МОРЩАКОВА — старший научный сотрудник ВНИИ советского законодательства Министерства юстиции СССР, кандидат юридических наук; Владимир ПАНКРАТОВ — зав. сектором ВНИИ Прокуратуры СССР, к.ю.н.; Нона РАДУТНАЯ — зав. кафедрой уголовно-правовых наук Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции, к.ю.н., доцент; Олег СОКОЛЬСКИЙ, старший научный сотрудник ВНИИ Прокуратуры СССР, к.ю.н.; Геннадий ХОХРЯКОВ — зав. кафедрой социалистического правосознания и судебной этики Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции, д.ю.н. Дискуссию вела наш корреспондент Нина БЕЛЯЕВА.

Н. БЕЛЯЕВА. Правовое государство часто называют «торжеством законности». А саму законность при этом отождествляют с существующими правовыми актами, которые подлежат безусловному выполнению. Но законодательство неизбежно отстает от практики, а в годы интенсивных социальных перемен может стать их тормозом. Как тут быть?

И. МИХАЙЛОВСКАЯ. Режим законности — это не просто исполнение всеми (и должностными лицами, и гражданами) всех законов. Режим законности — это такой метод реализации государственной власти, при котором, во-первых, закон всегда выше воли должностного лица, какой бы высокий пост оно ни занимало, а во-вторых, и это очень важно, сами законы должны быть действительно «законными». Законность законов проявляется, помимо, в том случае, когда они обеспечивают соответствующий цивилизованному обществу уровень защищенности гражданина от произвола государственной власти, охраняют его право на свободное развитие и самовыражение и ограничивают свободу его поведения лишь постольку, поскольку оно может причинить ущерб таким же правам других людей. Особенно это касается понимания задач уголовной юстиции. Задачей, я думаю, можно считать защиту общества от преступлений не любой ценой, а лишь теми средствами, которые не подрывают уровень защищенности человека в обществе, в максимально возможной степени препятствуют признанию преступником невиновного человека.

С. ВИЦИН. Совершенно согласен с вами. Ведь судебно-следственную практику тридцатых годов не считали в то время противоречащей законам, и различные «тройки», особые совещания функционировали в соответствии с существовавшими тогда законами и по существу были произволом, а по форме законными.

У нас были законы, по которым крестьян, не сдавших хлеб государству, привлекали к уголовной ответственности

за спекуляцию, что, с точки зрения подлинно правовой, совершенно незаконно. У нас был закон об уголовной ответственности за невыработку минимума трудодней в колхозе, за самовольный уход рабочих с предприятий и даже за непосещение курсов по ликвидации безграмотности. Это типичные случаи, когда мы не только экономические, но даже культурные проблемы пытались решать правовым топором. Реальные законы могут не только не соответствовать, но даже противоречить интересам общества.

П. ЛУПИНСКАЯ. Неприкосновенность гражданина, его жилища, защита жизни, здоровья, чести и достоинства должны находиться под охраной государственных органов и должностных лиц. Поэтому так важно, чтобы права и обязанности государства и должностных лиц, когда речь идет об охране этих ценностей, устанавливались только законом — актом высшей юридической силы, принимаемым самым демократическим путем.

Представляется, что это условие не соблюдено при принятии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года, предоставившего внутренним войскам СССР ряд прав, существенно затрагивающих такие конституционные права граждан, как неприкосновенность личности и жилища. Им предоставлено право «входить в жилые помещения... для пресечения преступлений или нарушений». Кроме того, они могут «для прекращения буйства и бесчинства задержанных лиц... применять наручники или иные меры...». Обращает на себя внимание обстоятельство, что эти положения Указа не соответствуют общесоюзным законам, устанавливающим порядок административного задержания, изъятия вещей и документов, задержания подозреваемого, производства обыска в уголовном процессе и не отсылают к этим законам.

Непонятно также, почему контрольные функции за применением «иных мер» к гражданам возложены на Ми-

нистерство юстиции СССР, а не на Прокуратуру СССР — орган высшего надзора за законностью, имеющий специальную задачу — охрану прав и законных интересов граждан.

В. ПАНКРАТОВ. Здесь возникает вопрос — кто должен определять, что является подлинными интересами общества? Конечно же — уполномоченные обществом лица, наши законодательные органы, которые работают не с помощью скоропалительных указов, а путем всестороннего обсуждения проекта закона. Закон нужно обсуждать взвешенно, грамотно, обстоятельно. Наша законодательная процедура очень сужена. Она не соответствует представлению о правовом государстве. Необходимо изменение порядка внесения законов, их обсуждения, принятия, обеспечения их реализации.

С. ВИЦИН. Начиная с 1938 года (после принятия Конституции СССР 1936 года) по 1980 год Верховный Совет СССР принял (исключая законы о плане и бюджете) более 140 законов, но из них две трети — это законы об утверждении ранее принятых указов Президиума Верховного Совета СССР. С 1980 по 1985 годы принято 48 законов, из них 33 об утверждении 125 указов. Так что законов в конституционном значении этого понятия не так уж и много. И нам предстоит провести огромную работу по созданию новых законов, отвечающих потребностям общества, интересам трудящихся, их коллективов и организаций. Необходимо сокращать практику законотворчества через указы Президиума Верховного Совета, поскольку они проходят без широкого обсуждения и не могут учесть мнения большинства населения. Тем более это недопустимо в отношении указов, ограничивающих права и свободы граждан. Если есть необходимость принятия таких ограничений, граждане должны ясно понимать их цели, а также соответствующие им адекватные средства...

При этом также очень важно не путать цели и средства. Как ни странно для многих юристов это прозвучит, но привычная «борьба с преступностью» не может быть целью системы уголовной юстиции. Все дело в том, что борьба с преступностью не цель,

а средство достижения цели, которая находится дальше, за пределами уголовной юстиции.

Если же говорить о целях законодателя, остается много неясного. Например, цели системы уголовного судопроизводства, сформулированы в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства: обеспечение так называемой неотвратимости наказания, «чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию» и в то же время чтобы «ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Встает вопрос о приоритетах: какая из этих целей является первостепенной? Фактически до сих пор ведущей оказывается первая цель — неотвратимость наказания, во имя достижения которой предпринимается все возможное, а часто и невозможное (и еще чаще — недопустимое с точки зрения законности). По уголовному кодексу РСФСР 1926 года меры наказания могли применяться к очень широкому кругу лиц — не только к тем, кто совершил преступление, но и в отношении лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности», а также признанных «социально опасными, независимо от того, совершили ли они преступление».

А. БОЙКОВ. Утверждение о том, что перед правоохранительными органами в целом и перед правосудием, в частности, не должна стоять задача борьбы с преступностью, мне представляется, мягко говоря, странным. Конечно, как бы ни была организована деятельность суда, она не может устранить коренные социальные причины правонарушений и преступности. Здесь решающая роль должна принадлежать социально-экономическим, воспитательным, организационным и иным мерам, однако отрицать роль правоохранительной практики, правосудия — значит отрицать роль правовых мер, а это — нелепость. Нужно трезво оценивать возможность этих мер, не преувеличивая, но и не уменьшая их значения.

О. СОКОЛЬСКИЙ. История показывает, что самый значительный ущерб обществу в конечном счете терпело не

от преступности, а от преступных способов борьбы с нею.

Г. ХОХРЯКОВ. Вспомним происхождение этого выражения — «борьба с преступностью». Оно утвердилось в качестве официального в годы сталинизма, когда вопреки возражениям специалистов, стоявших на марксистско-ленинских позициях, возобладала точка зрения на то, что социализм не имеет причин для преступности. Они-де связаны с пережитками прошлого в сознании людей, а пережитки эти персонафицированы в так называемых врагах народа, хулиганах, симулянтах, лентяях и прочих.

Сейчас юристы, да и граждане, убеждены, что социализм не свободен от причин, порождающих преступность, что преступность — социальное явление, неизбежно отражающее реальное состояние общества. На сегодняшний день признано, что правовые средства лишь сдерживают преступность. Однако, привычное — **борьба** с преступностью как цель деятельности уголовной юстиции — все еще принимается за истинное.

Н. БЕЛЯЕВА. Действительно, принятые недавно новые указы об «общественных беспорядках» составлены именно как инструмент борьбы, который должен помягше покарать. А использование войск, похоже, прямо рассчитано на устрашение. Подобные меры лишь настраивают людей против «стражей порядка», рождают негативную оценку правоохранительной системы в целом.

Г. ХОХРЯКОВ. Враждебное отношение к следственным органам, всему «репрессивному аппарату» — это еще полбеды. Гораздо хуже провоцируемый этими мерами раскол общества на «плохих» и «хороших» и враждебность его к «плохим».

Мы недооцениваем психологических последствий укоренившегося в массовом сознании представления о деятельности уголовной юстиции как о борьбе. Если это борьба, то любой нарушитель — враг, а не продукт социальных условий, объективных социальных процессов. Здесь уже не до К. Маркса, призывавшего видеть даже в преступнике и гражданина, и солдата, и главу семейства, то есть живую части-

цу общества. Естественно, что на первый план в этой борьбе выдвигаются следователи, милиция с романтикой погонь и уличных схваток. Если обратиться к кинематографу, то именно мужественные представители этих органов на первом плане, а где-то там, позади, мелькают прокурор и робкий, сомневающийся и вроде как бы мешающий святому делу борьбы судья. Мы опросили молодых судей, только-только приступивших к работе после студенческой скамьи: «Чем вы руководствовались, поступая в юридический институт?» — «Желанием бороться с преступностью», — отвечали многие. Не защищать справедливость, не служить закону, не бороться за человека, а бороться с преступностью!

Если подозреваемый в преступлении (а милиция работает чаще всего именно с подозреваемыми) потенциальный противник, то обвиняемый и подсудимый уже обозначившиеся враги общества. Тогда как же говорить о наказанных и, особенно, наказанных лишением свободы, которых у нас еще, ох, как много? Как о захваченных в плен? Мне возразят, что это слишком громко сказано. Однако, обратите внимание только на внешнюю тюремную атрибутику: колючая проволока, вооруженные автоматическим оружием солдаты на вышках, собаки. А как происходит «приемка» вернувшихся в жилищную зону с работы осужденных? Как происходит их перегрузка из железнодорожных вагонов в автомашины при этапировании? Этого достаточно, чтобы задуматься.

В. ПАНКРАТОВ: До настоящего времени мы бы верили, что введем уголовную норму, напугаем, и все выполнят ее. В период военного коммунизма, Ленин писал об этом, тоже верили, что все будут честно работать, будет честное распределение. Выяснилось, что честно не работают и, что уж совсем плохо, честно не распределяют. Пришлось дать обществу гораздо большее количество степеней свободы в той области жизни, которая не требовала жесткой регламентации, а напротив, предполагала инициативу.

Но после Ленина тяга к всеобщей регламентации усилилась. Наш уголовный кодекс перегружен неработающими

ми нормами. Есть и нормы, которые то вносят туда, то выносят. Про остановку поезда стоп-краном, например, или обучение карате. Попытка регулировать жизнь угрозой наказания к успеху не приводит.

В. КОГАН. Всё, о чем здесь говорили, имеет прямое отношение к судебной реформе. Прежде всего — внутри системы уголовной юстиции есть распределение функций. Суд имеет целью не «борьбу с преступностью», а справедливое и законное разрешение правового спора, в котором есть обвиняющая и защищающая стороны. В той мере, в какой суд выполняет эту задачу, он и вносит свой вклад в борьбу с преступностью. Но только таким путем. Другого способа у суда нет. Или это уже не суд.

Когда мы говорим, что закон нуждается в постоянной проверке на «законность», наше внимание не может не привлекать участие народных представителей в осуществлении правосудия. Посредством такого участия осуществляется контроль общества за государством, гражданина за чиновником. Но кто не слышал критики в адрес наших народных заседателей? Эта критика, к сожалению, справедлива.

Дело, однако, не в том, что в народные заседатели выбирают «не тех» людей. И не в том, что профессиональные судьи «не понимают» роли народных заседателей. Дело в том, что народные заседатели и судья-профессионал решают все вопросы вместе. И хотя судья и заседатели имеют равные права, решение зависит именно от судьи: он больше знает, больше умеет и, главное, отвечает за судьбу дела. Формальное равенство оказывается фактическим неравенством. Участие народных представителей в осуществлении правосудия из механизма контроля неизбежно превращается в декорацию.

Чтобы исправить положение, мы предлагаем, чтобы коллегия народных представителей, обычно именуемая присяжными, в составе шести человек решала вопрос о виновности подсудимого самостоятельно, без участия судьи-профессионала, а затем решала вопрос о наказании виновного совместно с судьей-профессионалом.

В чем преимущества предлагаемого порядка? Достоинство народных представителей или присяжных в том, что они одинаково отстранены от прокурора, защитника, судьи, друг от друга. Их восприятие носит непосредственный характер. Для них не имеют значения указания «свыше» и ведомственные отчетные показатели. Если мы отделим народных представителей от судьи-профессионала, предоставив им право самостоятельного решения по делу и одновременно возложив на них обязанность решать, то все эти достоинства окажут важную услугу правосудию. Зазвучит в полный голос правосознание народа, его здравый смысл и совесть.

Перед народными представителями, реально наделенными правом и обязанностью решать, изменится положение, психология, поведение всех участников процесса. Поддерживая обвинение, прокурор не сможет надеяться, что коллега судья «не заметит» промахи следствия. Адвокат, неквалифицированно защищая подсудимого, не сможет успокаивать себя мыслью, что «все равно осудят». Судье придется публично разъяснять народным представителям юридический смысл того, что прошло перед их глазами в судебном заседании. Усиление роли непрофессионального элемента в суде приведет к повышению профессионализма в осуществлении правосудия. Такой суд следовало бы учредить по делам о преступлениях, за совершение которых грозит смертная казнь, — в обязательном порядке, а по делам о других тяжких преступлениях — по просьбе обвиняемого.

А. БОЙКОВ. Я отношусь к числу людей, которые критически относятся к этому институту. Не могу сказать, что я категорически против него. Но я очень хорошо вижу его слабые стороны, на которые мои коллеги стараются закрывать глаза. Когда пропагандируют суд присяжных, то начинают разговор со ссылкой на исторический опыт. Человечество, видите ли, на коленях ползло к этим светлым вершинам организации правосудия, а мы теперь, понимаете, отказываемся от этих достижений. Но ведь суд присяжных имеет столько много уязвимых сторон, что

то же самое человечество, которое ползло, оно потом от него отвернулось.

В Англии, напомню, процедура рассмотрения дел судом присяжных употребляется только в двух-трех процентах случаев от общего количества рассматриваемых уголовных дел. В США — до четырех-пяти процентов.

Т. МОРЩАКОВА. Да, действительно, судом присяжных рассматривается небольшая часть дел. Но это дела о наиболее тяжких преступлениях. И кроме того, обвиняемый, которому грозит наказание в виде лишения свободы, может потребовать суда присяжных. Право выбора остается за гражданином.

А. БОЙКОВ. Но кроме того, это дорогая и очень длительная процедура. Только формирование скамьи присяжных сторонами может занимать месяц, два и больше. То есть та самая волокита, с которой мы боремся, может быть возрождена на новой основе.

С точки зрения экономической это дорого не только для обвиняемого, но и для государства. Люди будут в большом количестве отвлекаться от производства.

Но самое главное состоит в другом — в сложности оценки доказательств в современном судопроизводстве. Ведь присяжные должны решить вопрос о виновности. Для этого нужно проанализировать подчас сложнейшую совокупность доказательств. У нас существует фундаментальная теория судебных доказательств, которую и профессионалы не все достаточно хорошо знают. Нынешние дела — это не те дела, которые рассматривали дореволюционные присяжные — об отравлении купца Оглоблина или о подделке векселей. Посмотрите любое уголовное дело о хозяйственном преступлении. Там черт ногу сломит. Даже людям, имеющим юридическое образование, приходится очень трудно. И не зря дела о хозяйственных преступлениях у нас нередко ходят по различным инстанциям, возвращаясь на дознание, потом опять попадая в суд. При введении суда присяжных эта волокита существенно увеличится.

Н. БЕЛЯЕВА. Стоит ли говорить о затратах, если мы получим взамен неиз-

меримо больше — позволим людям приобщаться к правосудию, разбудим гражданскую активность, повысим нравственную ответственность, утвердим в обществе понятие справедливости?

А. БОЙКОВ. Пойдите, давайте-ка разберемся, чего мы ждем от правосудия: утверждения единой для всех законности или абстрактной, для разных людей различно понимаемой справедливости?

Давайте так поставим вопрос и обратимся к историческим примерам. Общеизвестный и яркий пример — дело Веры Засулич. Эмоциональная девица, узнав о том, что по отношению к политическим заключенным, по распоряжению генерал-губернатора Трепова применяются телесные наказания, пришла к нему и в упор выстрелила в него из пистолета. Даже адвокат не решился ставить вопрос об оправдании. А присяжные вынесли вердикт: невиновна. Юридическое значение мотива преступления они оценивали, как обстоятельство, не смягчающее ответственность, а освобождающее от ответственности. И когда мне говорят, что присяжные выносили чуть ли не сорок процентов оправдательных приговоров, я предлагаю посмотреть, были ли эти оправдательные приговоры законными или незаконными? Стремимся ли мы к законности или стремимся к абстрактной социальной справедливости?

О. СОКОЛЬСКИЙ. Оправданием Веры Засулич общество показало правительству, что оно не допускает поруганий человеческого достоинства. В этом нравственный смысл вердикта присяжных по этому знаменитому процессу.

А. БОЙКОВ. Вы льете воду на мою мельницу. Что же хорошего в вашем примере? Мы защищаем общество от преступлений и самоуправства или же мы говорим: «Вам не нравится генерал-губернатор? Идите и стреляйте в него».

Восторженно принимая идею правового государства, мы отказываемся в сущности от права, заменяя его правосознанием. Причем правосознанием отдельных социальных группировок. Вот что получается. Какое же это правовое государство?

И еще один вопрос: равны ли граждане перед законом? Или не равны? Все будет зависеть от подбора присяжных заседателей. Кого-то за одно и то же преступление оправдают, а другого осудят. Вот что получится.

В. КОГАН. Вы знаете, что нет абсолютно плохих и абсолютно хороших рецептов. Общество всегда поставлено перед выбором, какое зло оно считает меньшим. Мы сегодня все единодушны в том, что существующая система правосудия себя не оправдала.

А. БОЙКОВ. О нет. Возьмите статистику хотя бы. Приговор, вынесенный судом первой инстанции, в девяносто восьми процентах случаев признается законным и справедливым. Поэтому нет оснований считать, что наше правосудие сплошь несправедливо, дискредитировало себя. Такая оценка резко противоречила бы имеющимся в нашем распоряжении социологическим данным. Судебная аудитория при проведении специальных опросов, более чем в девяносто процентах случаев оценивает судебные приговоры как правильные и справедливые.

В. ПАНКРАТОВ. Если «аудитория» поддерживает, то непонятно, почему вы не доверяете судить ей самой? Почему вы тогда против суда присяжных?

Т. МОРЩАКОВА. А статистика тоже не аргумент. Наша статистика, как и наша судебная практика, создают ложную картину благополучия в правосудии. И многие уже привыкли к тому, что статистика, вспомним слова Ленина, это больше, чем большая ложь. О плохой работе следствия пишу и пишу, а оправдательных приговоров очень мало. Это же страшно. Да и может ли быть иначе, если суд рука об руку с органами расследования стремится обеспечить неотвратимость наказания!

Профессор Бойков, ссылаясь на официальные данные, уверяет, что правосудие у нас по девяносто восьми процентам дел вершится справедливо. А что значат эти цифры? Да, только то, что по девяносто восьми процентам дел приговоры не отменяются и не изменяются. Но всегда ли эти приговоры правильны? Суды, проверяющие их законность и обоснованность, вовсе не

стремятся выявить и исправить все ошибки судов, вынесших приговор. Если вышестоящий суд исправляет много судебных ошибок, делается вывод, что он плохо руководил, плохо «научил» нижестоящие суды и должен нести за это ответственность. Поэтому вышестоящий суд заинтересован не в максимальном выявлении ошибок, а в сохранении благополучных показателей, то есть фактически в очковитательстве. Суд присяжных, у которых нельзя будет потребовать отчета за проценты, характеризующие качество правосудия, будет существенной предпосылкой к изменению и системы отчетности судебных органов.

А. БОЙКОВ. Я не против расширения коллегиальности. Но считаю, что не следует нам — мы уже на этом в свое время набили достаточно шишек — ориентироваться на мудрую непогрешимость общественности. Не надо забывать о величайшем значении профессионального элемента в любой деятельности. Профессионального! Расширяя судебную коллегию, мы должны делать это не только за счет заседателей, но увеличивать также состав профессиональных судей.

Н. РАДУТНАЯ. Подлинная независимость заседателей обеспечивается при раздельной коллегии, хотя могут быть приведены и аргументы об издержках такого разделения. Главное, что это — школа демократии.

Нами проведен эксперимент с целью изучения процедуры принятия решений единым составом суда, то есть судьями и заседателями одновременно и во всех шести группах окончательное решение полностью отражало индивидуальное мнение судьи-профессионала. Это свидетельствует о несомненном влиянии судьи на внутреннее убеждение заседателей. Их роль нивелируется, они не чувствуют ответственности за столь важную для общества и государства деятельность, как осуществление правосудия. По сложным, крупным делам анализ доказательств представляет определенные трудности для заседателя. Но в том-то и смысл судебного разбирательства и его итогового документа — приговора, что они должны быть понятны, доступны любому

члену общества, независимо от его профессиональной принадлежности и уровня образования.

О. СОКОЛЬСКИЙ. За сложившейся сегодня судебной системой лежит вполне определенная идея — идея управления судом. Судом, который является неотъемлемым элементом административно-командной системы. Чтобы не показаться голословным, хочу прочесть вам одну маленькую цитату известного деятеля юстиции — человека с трагической судьбой, Крыленко. Возражая против суда присяжных, он писал в 1927 году: «Имея такой суд, мы рисковали бы у нас в крестьянской стране получать решения, в корне противоречащие задачам той судебной политики, которую проводит регулирующий авангард пролетариата». Таким образом, с самого начала речь шла об управляемом суде. А мы ведь хотим это как-то изменить.

А. БОЙКОВ. У нас другая форма осуществлена и осуществляется. Суд независим и подчиняется только закону. Давайте обсудим этот вопрос. Вы исходите из постулата, что все судьи у нас под диктовку работают.

В. КОГАН. Ответу на ваш конкретный вопрос. Совсем недавно в процессе обсуждения реформы, мне удалось опросить более двухсот судей — 59 процентов из них жалуются на незащищенность от незаконного давления.

И. МИХАЙЛОВСКАЯ. Отношение к суду присяжных — один из индикаторов понимания целей и глубины перестройки политической системы современного советского общества. На мой взгляд, эта цель состоит в создании реальных гарантий режима законности, примата неотъемлемых прав человека над могуществом государственной машины. Какие же это гарантии? Прежде всего — разделение властей: законодательной, исполнительной, судебной. Сейчас исполнительная власть «задавила» законодательную, а о судебной власти вообще забыли. Суд присяжных — единственная возможность сделать судебную власть подлинно независимой от любого вмешательства и давления, единственная возможность привлечь народ к ее реализации. И не надо бояться расходов — дешевое право-

судие слишком дорого обходится обществу.

Н. БЕЛЯЕВА. У меня возник, может быть, неожиданный вопрос. Мы добиваемся суда присяжных, стремясь к гуманизации правосудия, а будут ли сами народные представители проявлять то самое милосердие, которое мы от них ждем? Вспомните, ведь именно «простые люди», собрания рабочих и служащих требовали беспощадности к «троцкистско-зиновьевскому блоку», обвиняли Бродского и Мандельштама. А сегодня — письма трудящихся в газеты, о том, что снова стало «мало порядка», что всех, кто выступает, надо «пересажать», яростная поддержка необходимости смертной казни...

Н. РАДУТНАЯ. Что же тут удивительного? Ведь мы так настойчиво культивировали у всех членов общества требование бороться с преступностью, начиная с органов уголовной юстиции и кончая общественными образованиями и отдельными гражданами. И в общем, наши члены общества так и формировались, что должны быть нетерпимыми к любому нарушению, неотвратимости ответственности у нас культивировалась и была отражена в законе.

Благоприятные условия для такой нетерпимой позиции еще создаются и в настоящее время в связи с принятием отдельных нормативных актов. Я имею в виду вышеназванные июльские Указы. С одной стороны, определяется порядок организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, как гарантия осуществления политических свобод, а с другой, — регламентируются обязанности внутренних войск по охране общественного порядка в указанных случаях с предоставлением права, вопреки ст. 55 Конституции СССР, входить в жилые помещения, а также применять оружие и специальные средства. Временная и логическая связь между этими актами в широком общественном мнении может создать впечатление о системе мер, ограничивающих политические права граждан.

Возвращаясь к судебной деятельности, следует отметить влияние общественной атмосферы не только на заседателей, но и на профессиональных судей. Наблюдаемый у них обвинитель-

ный уклон нередко связан с тем, что суд упоминается в числе органов борьбы с преступностью, наряду с органами МВД и Прокуратуры. Поэтому судьи, естественно, смотрят на то, как ведет себя в определенной ситуации и какое мнение высказывает его ближний коллега — прокурор, с которым они «борются» с преступностью, «координируя» свои усилия. Постепенно суд превращается в орган репрессивный.

П. ЛУПИНСКАЯ. Предложение об отделинии в суде народных представителей от судей-профессионалов и предоставление им права самостоятельно решать вопрос о виновности лица преследует, главным образом, цель утверждения независимости судей.

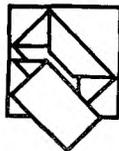
Очевидно, что утверждение этого принципа правосудия не может быть достигнуто только организационными средствами, здесь важную роль должна сыграть нравственная атмосфера общества, честь, совесть каждого судьи, будь он народный представитель или судья по должности.

Н. БЕЛЯЕВА. Мне кажется, на этом «витке милосердия» мы приблизились к пониманию и правового государства, и законности. Правовое государство — это не просто верховенство закона, это когда он **справедливо принимается**, то есть процедура его принятия позволяет учесть весь нравственный потенциал общества в целом, дающий единую меру нашим поступкам, закрепляемую как обязательная для всех. Кроме того, он должен и **справедливо применяться**, хотя и через индивидуальные нравственные критерии, но на почве общего правосознания. Поэтому задача — повысить гуманистический потенциал общественного сознания, гарантирующего защищенность человека от неоправданного насилия.

Получается, законность проверяется нравственностью, правильно?

В. КОГАН. Конечно! По крайней мере, к этому нужно стремиться. Ведь именно нравственные идеалы, человеческое чувство справедливости — то, что объединяет не только членов нашего общества, но и все человечество.

ПОЧТА

Культ — всегда культ

Сталин узурпировал право трактовать Ленина. Потом этим правом пользовались Хрущев, Суслов, Брежнев. Из него выдергивали цитатки для каждой курсовой работы и сочинения. Именем Ленина прикрывали все ошибки и беззакония. И не пора ли сказать о культе Ленина, который мы создали и против которого был сам Владимир Ильич, не любивший ни памятников своим, ни сниматься в кино и на фотографии.

Не было бы культа Ленина, созданного при Сталине, не стало бы и культа Сталина. Сейчас мы пытаемся современность подстроить под выдержки из его произведений. Но как бы ни был велик гений Ленина, не мог он предусмотреть всего, что произойдет через двадцать, тридцать, пятьдесят и т. д. лет.

Давайте же смотреть правде в глаза.

В. ТОЦКИЙ,
г. Москва.

ЧЕМ СИЛЬНЕЕ — ТЕМ ЛУЧШЕ?

(Из истории гонки вооружений)

Игорь МАЛАШЕНКО

Сегодня, начиная гласно обсуждать свои собственные проблемы в области внешней и военной политики, мы неизбежно задаемся самыми общими вопросами. Скажем, заинтересованы ли мы в том, чтобы быть сильными в военном отношении? Надо ли стремиться к тому, чтобы быть сильнее «потенциально противника»? Хотим ли мы казаться сильнее, чем мы есть на самом деле?

На первый вопрос каждый из нас, колеблясь, ответит: да, заинтересованы. И это понятно, потому что мы живем в том мире, в котором мы живем. И мир этот слишком далек от благой утопии. В прошлом, однако, казалось само собой разумеющимся, что хорошо быть не просто сильным, но и сильнее, чем оппоненты: подобный «запас прочности» гарантировал большую безопасность. Ситуация изменилась в ракетно-ядерный век, когда противостоящие друг другу общества оказались беззащитны перед лицом ядерной угрозы: обе стороны могут бесконечно наращивать свою мощь, но именно поэтому безопасность каждой из них сжимается, как шагреневая кожа. Поэтому сегодня не только бессмысленно стремиться быть сильнее противника, но и по сути дела следует заботиться о его безопасности, как о своей собственной.

С другой стороны, что плохого, если

ты кажешься сильнее, чем есть на самом деле? Если ты слаб, то это может оказаться единственной защитой от посягательств со стороны сильного, если твою силу и так уважают, значит будут уважать еще больше. Не раз на протяжении нашей истории нам приходилось дорого расплачиваться за собственную слабость. Настолько часто и настолько дорого, что у нас, похоже, развилось стремление и быть, и казаться как можно сильнее.

Стремление это нетрудно понять. Из второй мировой войны мы вышли измотанными до предела. Соединенные Штаты — союзник, обратившийся во врага, — напротив, многократно усилили свою мощь. Вашингтон стал монопольным обладателем нового «сверхоружия», и угроза атомного удара по СССР была удручающе реальной. К тому же американцы стремились впридачу преувеличивать масштабы своего ядерного арсенала. В июле 1946 года у них было девять атомных бомб, год спустя — тридцать, в июле 1948 года — пятьдесят. Все бомбы хранились в разобранном виде, и на сборку каждой из них группе из 39 специалистов требовалось свыше двух дней (таких групп в 1948 году было всего три). В 1948 году у американцев было лишь около тридцати бомбардировщиков В-29, переоборудованных для доставки атомного оружия.

Иными словами, Вашингтону было не так-то просто осуществить «атомный блиц», угрозу которого он с такой легкостью пускал в ход. В 1948 году, во время так называемой «блокады Берлина» в Великобританию из США были переброшены шестьдесят бомбардировщиков В-29, имевших согласно «утечкам» в прессе, атомное оружие на борту. В действительности, однако, они не были даже переоборудованы для применения атомных бомб, и их переброска была чистым блефом. Но это мы знаем сегодня, а сорок лет назад такие провокации принимались, конечно, за чистую монету.

С момента создания атомного оружия США пытались всячески акцентировать (и даже преувеличивать) его огромную разрушительную мощь. Летом 1946 года Вашингтон был обеспокоен тем, что испытание атомной бомбы на атолле Бикини под кодовым названием «Эйбл» прошло не совсем удачно: было потоплено «всего лишь» несколько кораблей из числа тех, на которых должна была быть продемонстрирована мощь нового оружия. Между тем свидетелями этого испытания были наблюдатели из многих стран мира. Поэтому срочно, три недели спустя, была осуществлена более впечатляющая демонстрация — взрыв «Бейкер», который «реабилитировал» «абсолютное оружие».

После того, как Советский Союз ликвидировал американскую атомную монополию, Вашингтон взял курс на скорейшее создание «супербомбы», термоядерного оружия. США считали, что особенно устрашающий эффект должна была произвести огромная, даже по сравнению с атомным оружием, мощьность «Супера». Поэтому создатели «Майка» (под этим кодовым названием фигурировало первое термоядерное устройство) во главе с Э. Теллером постарались сделать его как можно более мощным. Они добились своего — мощьность взрыва составила около десяти мегатонн.

Однако и после того, как Советский Союз создал атомное, а затем и термоядерное оружие, Соединенные Штаты некоторое время сохраняли монополию на средства доставки такого оружия:

окружив СССР кольцом баз и создав стратегические бомбардировщики, они сами оставались неуязвимыми и недосягаемыми. Стремительными темпами росли размеры американского ядерного арсенала (в 1955 году у США было уже около двух тыс. атомных бомб). И в этих условиях Вашингтон не скупился на угрозы в духе «массированного возмездия». Даже когда СССР получил, наконец, возможность «достать» территорию США, Вашингтон продолжал использовать свое ядерное превосходство в целях откровенного шантажа. Более того, когда в Вашингтоне было официально признано, что между СССР и США возникло равновесие, американцы не переставали изобретать все новые и новые доктрины и концепции, суть которых сводилась к тому, что они знают, как вести ядерную войну и достичь в ней победы. А если уж победить в ядерной войне никак нельзя, то США смогут взять верх, по крайней мере, в гонке вооружений. И надо сказать, они довольно убедительно свою решимость продемонстрировали: пальма первенства в создании новых систем стратегических вооружений за редким исключением принадлежала США.

Нас, безусловно, провоцировали. Порой — безуспешно: американцам, например, не удалось вовлечь нас в соперничество в области стратегической авиации, мы избрали асимметричный ответ — развитие МБР. В то же время, как отмечал М. С. Горбачев, «не всегда адекватной была наша реакция на провокационные действия империализма».

В конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда мы были особенно ослаблены, определенную позитивную роль играла наша максимальная «закрытость» в военной сфере: зачастую американцы воображали нас гораздо сильнее, чем мы были на самом деле (чему способствовало и несовершенство тогдашних средств разведки). В условиях американской монополии на ядерное оружие и средства его доставки преувеличенная оценка советской военной мощи во многом удерживала вашингтонских ястребов от соблазна нанести по Советскому Союзу «сокрушительный удар».

Правда, и в ту пору наша секрет-

ность оборачивалась некоторыми издержками — вряд ли, скажем, повышению доверия к нам способствовал тот факт, что об испытании первой советской атомной бомбы мир сначала узнал из заявления Вашингтона.

Подлинной гарантией нашей безопасности могло стать лишь реальное укрепление нашего стратегического потенциала. Благодаря созданию ядерных вооружений и современных средств их доставки, Советский Союз уже во второй половине пятидесятых годов сумел заметно укрепить свою мощь. Несмотря на многократное американское преимущество в ядерной сфере Вашингтон был вынужден всерьез учитывать перспективу ответного удара СССР в случае войны, что способствовало проявлению большего реализма США в подходе к ядерным проблемам.

В то же время порой мы не могли удержаться от искушения хотя бы по мелочам «переиграть» американцев и казаться как можно сильнее. Так, хотя Соединенные Штаты опередили Советский Союз в создании термоядерного оружия, мы на протяжении многих лет претендовали на первенство в этом отношении, позабыв, что в гонке вооружений не стоит гордиться рекордами. Мы попытались превзойти США по мощности испытанного термоядерного заряда, доведя ее до пятидесяти мегатонн (в начале шестидесятых годов делались заявления о наличии у СССР и стомегатонной бомбы). «Учитывая, что водородное оружие в Советском Союзе было создано раньше, чем в США, а главное, что США не располагают сверхмощными термоядерными зарядами в нескольких десятках миллионов тонн, которые имеются у СССР, наше превосходство над западным блоком в ядерном оружии мы рассматриваем как неоспоримое», — утверждалось в опубликованном в 1962 году труде «Военная стратегия» под редакцией В. Д. Соколовского.

В середине пятидесятых годов в США была развернута шумная кампания по поводу так называемого «разрыва по бомбардировщикам» — утверждалось, что Советский Союз намного опередил Соединенные Штаты в области стратегической авиации и вот-вот добьется решаю-

щего превосходства. «Зацепкой» для организаторов этой шумихи послужил военно-воздушный парад в Москве летом 1955 года, в ходе которого были продемонстрированы советские бомбардировщики дальнего радиуса действия. Реально же за ней стояли интересы американских ВВС, которые всячески проталкивали гигантские программы строительства бомбардировочной авиации.

Отвечали ли интересам Советского Союза подобные преувеличенные оценки его стратегической мощи? В те времена мы, видимо, полагали, что да. В 1957 году советская наука и техника добилась исторического результата — была испытана советская межконтинентальная баллистическая ракета (МБР) и запущен первый спутник. Это событие стало опромным потрясением для Соединенных Штатов, которые призывали свысока поглядывать на «отсталую Россию». Буквально за день мы стали неизмеримо сильнее, чем прежде. И не только потому, что было создано грозное оружие, которое бесповоротно покончило с неуязвимостью США. Мы продемонстрировали не только военную, но и экономическую и научно-техническую мощь, силу и жизнеспособность всего нашего общества.

Н. С. Хрущеву, однако, реально достигнутого показалось мало. Вскоре он заявил о начале серийного производства МБР в Советском Союзе, а в 1959 году утверждал, что только один советский завод дал двести пятьдесят ракет с термоядерными боеголовками. Наверное, многие советские люди, которые хорошо помнили, чем оборачивается военная слабость, вздохнули тогда с облегчением. Однако по другую сторону Атлантики за эти заявления уцепились сторонники очередного витка гонки вооружений. Началась новая истерическая кампания — на сей раз о «ракетном отставании» США, под прикрытием которой была развернута массивная программа строительства американских МБР. Между тем, в 1960 году мы имели лишь горсть стратегических носителей и менее пятисот ядерных зарядов, в то время как число стратегических носителей США приближалось к двум тысячам, а число ядерных зарядов превышало четыре с

половиной тысячи. При этом несмотря на нашу «закрытость», реальное соотношение сил стало уже хорошо известно в Вашингтоне и благодаря самолетам-шпионам У-2 (полеты которых регулярно осуществлялись с 1956 года), а с 1961 года и разведывательным спутникам. Некоторые наши заявления стали восприниматься как блеф.

На протяжении многих лет американское ядерное превосходство было настолько велико, что мы не могли удержаться от попыток «отыграться» хотя бы на уровне риторики. В 1963 году министр обороны СССР Р. Я. Малиновский, например, заявлял: «Я решительно утверждаю, что на триста сорок четыре ракеты, которыми нам угрожает господин Макнамара, мы ответим одновременным ударом в несколько раз большего количества ракет и такой мощности ядерных зарядов, которые действительно сметут с лица земли все объекты, промышленные и административно-политические центры США, полностью уничтожат страны, которые предоставили свои территории под американские военные базы...» Казались ли мы благодаря таким заявлениям сильнее, чем были на самом деле? В глазах тех, кто не знал реальной картины, безусловно. Соответствовало ли это нашим интересам? Долгосрочным — едва ли; ведь генерируемый таким образом страх использовался Вашингтоном для мобилизации американского общества, для «обнования» своих семимильных шагов в гонке вооружений, раскручивания все новых военных программ. А ведь вследствие этого росла угроза и нашей безопасности.

Мы, конечно, не любим сегодня обо многом вспоминать, и из-за этого в истории гонки вооружений — как и в нашей истории в целом — у нас появились «белые пятна». О них, однако, с удовольствием — и часто не к месту — вспоминают в Соединенных Штатах. Ну что ж, у нас действительно нет монополии на непогрешимость. Если в первые годы атомной эры наша традиционная секретность служила в определенной мере фактором обеспечения нашей безопасности, то впоследствии — в сочетании с не самой дальновидной ри-

торикой — она использовалась нашими противниками для беспрепятственного раздувания кампаний о «советской угрозе». Оправданное поначалу стремление казаться как можно сильнее привело потом к тому, что мы сами себе стали казаться слишком слабыми на фоне получивших широкое хождение оценок нашей мощи.

Между тем, с тех пор как Советский Союз создал первые стратегические бомбардировщики, ни одна американская администрация не могла всерьез рассчитывать, что она сможет применить ядерное оружие для достижения своих политических целей. Угроза пустить в ход ядерное оружие подразумевает, что вы готовы смириться с «приемлемым ущербом» — а какой уровень жертв среди американцев мог бы счесть «приемлемым» президент США? Даже в середине пятидесятых годов мысли о том, что, несмотря на всю мощь американского ядерного удара по СССР, хотя бы один советский бомбардировщик может прорваться, скажем, к Нью-Йорку и сбросить свой смертельный груз, было достаточно, чтобы остудить самые горячие головы в Вашингтоне. В 1961 году американские военные оценили возможные американские потери в случае войны с СССР (при нанесении Соединенными Штатами первого удара) в десять млн. человек, в то время как жертвы среди советского населения уже в первые часы войны составили бы около ста сорока млн. человек. Администрация Кеннеди, однако, быстро поняла, что, несмотря на огромную разницу в этих цифрах, десять млн. американцев нельзя считать «приемлемой» ценой для достижения реальных политических целей.

Несмотря на это, американцы долгие годы по сути блефовали, пугая нас все более изощренными сценариями ядерной войны. Главное, чего хотели от нас американские стратеги, — это признания, что такая война не обязательно приобретет неконтролируемый, полномасштабный характер, что ее можно втиснуть в какие-то рамки, ограничить «приемлемым» уровнем. Этого Советский Союз не признавал никогда, чем вызывал в Вашингтоне крайнее раздра-

жение ведь перспектива ограниченной ядерной войны давно лежит в основе американских попыток ядерного шантажа, рассуждений на тему о возможности «победы».

Увы, стремление казаться как можно сильнее порой и здесь нас подводило. Как заявил в 1962 году Р. Я. Малиновский, «превосходство и справедливые цели наших вооруженных сил дают нам твердую уверенность в том, что в будущей войне, если ее развяжут империалисты, какой бы всеохватывающей, разрушительной и истребительной она ни была, победу одержим мы — защитники социалистических завоеваний, защитники великого дела коммунизма».

Конечно, такие завоевания можно отнести к издержкам риторики конца пятидесятых — начала шестидесятых годов. Однако и много позже, точнее в 1979 году «Советская военная энциклопедия» утверждала, что если начнется ядерная война, то «Советский Союз и братские социалистические государства в этом случае будут по сравнению с империалистическими государствами обладать определенными преимуществами, обусловленными справедливыми целями войны, передовым характером их общественного и государственного строя. Это создает им объективные возможности для достижения победы». Американские стратеги не преминули использовать это высказывание для «обоснования» одного из самых мрачных стратегических документов — разработанной при Картере президентской директивы № 59.

Конечно, мы многое поняли и многому научились. Мы знаем, что в ядер-

ной войне никто не может победить. Мы понимаем, что не стоит прибегать к риторике, которая дает повод нашим противникам кричать о «советской угрозе» и наращивать ядерные арсеналы. Теперь, однако, инцидаторы гонки вооружений нередко могут обойтись и без нашей помощи: «образ врага», неутомимо воинственного Советского Союза на Западе давно сформирован и живет, так сказать, своей жизнью. Благодаря его существованию можно выдавать за чистую монету фантастические данные о масштабах советского военного строительства, о боевых возможностях нового советского оружия. А что мы могли противопоставить этому потоку дезинформации в условиях традиционной «закрытости» сведений о нашем оборонном потенциале? Вот нам и осталось лишь удивляться живучести традиционных стереотипов.

Постепенно гласность начинает проникать и в военную сферу. Но так медленно, словно мы до сих пор считаем, что неопределенность в отношении наших военных возможностей служит нашим интересам лучше, чем тот уровень открытости, который давно стал нормой для большинства государств. Думаю, что дело здесь не только в старом стремлении казаться как можно сильнее, чтобы не вести в соблазн наших врагов. Ведь для многих из нас казаться сильнее — значит казаться и лучше. А мы, похоже, слишком долго к этому стремились, преувеличивая собственные достижения в самых разных областях. Не пора ли от этого отказаться? Честное слово, и без преувеличений нам есть чем гордиться.

КТО МЫ И ЧТО МЫ

Взгляд на гласность из Лейдена

Исаак ГЛАН

КАК ПОЯВИЛАСЬ ЭТА СТАТЬЯ

Отпуск мы провели с женой в Голландии. Мои друзья-слависты предложили мне выступить в голландской газете, предварительно созвонившись с редакцией. Идея показалась мне интересной, и там же, в Голландии, я написал статью «Гласность с доставкой в Лейден». Мне казалось, то, о чем я пишу, будет интересно зарубежному читателю. Однако роттердамская газета от статьи отказалась. Отказалась и другая. Неожиданный интерес проявила амстердамская «Троув», и ее корреспондент объявил, что мой «субъективный» стиль непривычен для голландской печати, хотя ему нравится. Уже в поезде я подумал, что, по всей вероятности, дело не в стиле, а в проблематике статьи: она же скорее интересна для нашего читателя.

ЗЕРКАЛО НАРОДОВ

В мнении одного народа о другом — взгляд со стороны, объективный взгляд — есть крайняя черта любопытства, жутко-интригующий элемент. Помню, в детстве меня волновал вопрос: «Знают ли американцы, что их открыл Колумб?» Это так страшно — знать о себе все.

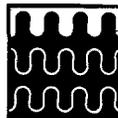
Такой же жгучий интерес испытывал я, когда читал или выслушивал мнения иностранцев о России. Прежде я думал, что это очень личное, непонятное другим ощущение, и потому тщательно скрывал его. Но постепенно стал подмечать, что и другие мои соотече-

ственники столь же ревнивы к мнению извне. Почему так?

Мне кажется, только сейчас я догадываюсь о причинах давнего любопытства. Мы знали две морали: понятную человеку, разумную и лицемерную, которой изо всех сил старались подменить первую, уверив в ней не только себя, но и других. Удастся ли это? Вот подтекст нашего болезненного интереса к мнению мира о нас: вина и любопытство, «комплекс Раскольникова».

Теперь мы освобождаемся от двойной морали. Мы пишем, что построили не тот социализм, что политическая система нуждается в совершенствовании. Лет сорок назад такие слова стоили бы человеку жизни, десять лет назад — карьеры, а может быть, свободы, сейчас это программа партийной конференции. Интерес к мнению извне все еще держится, но постепенно падает. Сегодня нас больше заботит, что мы сами думаем о себе.

Впрочем, в мнении собеседника о нас есть и другой смысл: мы узнаем больше о собеседнике. Не наша вина, то есть не вина народа, что подобный диалог был прерван на десятилетия. В результате возникали стереотипы, пошмертные маски, которые имели мало что общего с живым лицом. Мы не знали, каковы голландцы (американцы, англичане, датчане), а это значит, что мы не знали самих себя. Иностранцы, понятно, были в лучшем положении, они могли приезжать в СССР и по несколько месяцев жить в стране. Когда мы спрашивали, что им нравится (и не

нравится) у нас, мы получали заодно представление, как живут они.

У меня профессионально плохая память (не записал — забыл), но я отчетливо помню и сейчас весьма давние разговоры. Может, потому, что на стерильно информационном сознании даже периферийные, случайные, но альтернативные реплики оставляли глубокий след. Я бережно храню все эти следы на протяжении всех лет знакомства с голландцами.

Идем в кино. Парадная дверь забита. Мы покорно протискиваемся в какую то щель.

— Почему закрыта? Почему вы терпите это? У нас бы давно разломали вход!

На равных расстояниях по шоссе расставлены громадные транспаранты. На каждом — по одному слову «МИР», «ТРУД», «СЧАСТЬЕ».

— Вы действительно счастливее от этих слов?

Церковь у Никитских ворот, в которой венчался Пушкин.

— А что в ней сейчас?

— Кажется, склад.

Сжимает кулаки.

— Я атеистка, но когда я слышу это, мне хочется стать верующей.

Кстати, все эти замечания принадлежат Дуне, самой темпераментной и нетерпеливой из наших знакомых.

Конечно, такие беседы запоминались. Не всегда успешно, с трудом но к нам пробивалась смутная уверенность, что может быть и другое осмысление действительности: нетерпимость — вместо равнодушия, независимость — вместо конформизма, внимание к истинным ценностям — вместо ложного пафоса. Переворота в умах за этим, понятно, не следовало, но ленивое сознание получало толчок — и уже одно это было благим следствием бесед с иностранцами.

«МОЯ ГОЛЛАНДИЯ»

Эту главу я писать не собирался это слишком личные, слишком интимные мысли, представляют ли они для кого-

то интерес? Возможно, русская исповедальность — дурной тон, тогда пропустите несколько абзацев. Но, может, они и будут интересны. Про себя же думаю, что может быть, это самое главное, что мне бы хотелось сказать о голландцах, пока я в Голландии.

Я много размышлял не о том, что разделяет нас, а о том, что в нас общего. Образ жизни и даже направленные мысли — это, конечно, одно. Но существуют и нравственные критерии, духовные ценности, человеческие чувства. И здесь я не замечал больших различий.

Видит Бог, я не примеривал голландцев на себя, не выбирал их, это делала за нас судьба. Но она распорядилась наилучшим образом: дружбой с каждым из них мы могли бы гордиться. Мне бы хотелось написать о некоторых своих друзьях, но не знаю, приятно ли им будет это, потому на всякий случай оставляю только имена. Впрочем, если их и узнают, то надеюсь, что не посягну ни на какие тайны их частной жизни.

Рене, кумир моей юности. Он был на два года старше меня, но по жизненному опыту, благородному направлению мыслей, многочисленным талантам казался мне недостижимым. В то же время он был необыкновенно внимателен и к моим словам, и к моим душевным переживаниям. Не исключается, что он еле сдерживал зевоту, слушая излияния юнца. Но я ни разу этого не почувствовал. Рене пробыв в Москве год, ему нравилась наша страна, когда он уехал, мы писали друг другу длинные письма. Но потом он изменил отношение к СССР и почему-то перенес это отношение на меня. Он написал резкое, несправедливое письмо, после чего наша связь и прекратилась. По-видимому, мне надо было обидеться, но я так боготворил Рене, что ни тогда, ни теперь у меня не возникло и тени этого чувства.

Дуня. Блестящий публицист и переводчик, умная, неожиданная, непосредственная (excuse me — церемонно обратилась она к упавшему со стола ку-

сочку торта), у нее, казалось бы, было одно главное предназначение: быть предметом обожания всех мужчин мира. Но жизнь уготовила ей трудную судьбу. Мы встретились через двадцать лет — и будто бы не было напряженных лет. Она столь же жива и обаятельна, как была когда-то...

Ничему не удивляющаяся, мудрая Анна, чье жизненное кредо — «Искренность и честность — без компромиссов и сантиментов». У нее до крайности обостренное чувство социальной справедливости, и она страдает, когда не может реализовать его в жизни. Анна — наш самый близкий друг. Мы можем молча просидеть весь вечер, не считая это время потерянным.

...Ну, а почему, собственно, должны различаться советский образ жизни и голландский образ жизни, если иметь в виду только их духовную сторону? Существует ли голландский характер, русский характер? Есть просто люди, которым веришь.

ПРОСТО КОШКА

— Как вы относитесь к Горбачеву?

Этот вопрос я задал несколькими голландцам.

— Он разрешил свободу критики. Но это очень хитрая политика. Он делает то, что ему ничего не стоит.

— С чего-то надо начинать. Надеемся на то, что он сдвинет и экономику. Он взялся за то, что не вышло у Хрущева.

— Это руководитель мирового масштаба. Он мыслит понятными для нас категориями. Он первый, с которым Запад охотно начинает диалог.

— Горбачев — симпатичный человек. С ним связывают надежды.

Мне кажется, положительных мнений больше. Приятно. Никогда не прешил верноподданническими настроениями (разве что школьником к Сталину), но похвалы Горбачеву, при всем том, что я не во всем с ним согласен, отвечают моим личным убеждениям.

Что для меня важно в его политике? Идентификация социальных программ и духовного обновления человека. Такого на моей памяти — а я могу назвать

десятки грандиозных и пустых социальных программ — еще не было. О Горбачеве как личности я ничего не могу сказать, кроме разве одного: он решителен. Решительность эта характеризует его не как человека, а как общественного деятеля. Страна остановилась перед необратимым регрессом, отсюда и решительность перемены. Личные качества руководителя здесь не при чем.

Но вот вторая часть программы Горбачева — раскрепощение духовных сил человека. Она говорит о нем именно как о личности. Ибо, допуская демократизацию в социальной и духовной жизни советских людей, он сознательно — во имя блага страны, успеха задуманного дела — идет на ослабление своей власти, раскачивая (как у нас сейчас это принято говорить) лодку, в которой сидит. Поэтому сквозь достаточную гладкие, официозные формулировки его выступлений, скрывающих его личные симпатии и антипатии, нивелирующие его как индивидуальность, я вижу мужественный и благородный характер.

В каждой стране посредственность составляет большинство. Но у нас кроме того был и диктат посредственности. Посредственности занимали практически все ключевые посты. Сейчас от этого диктата пытаются освободиться. Есть ли примеры в мировой истории, когда государство ставило одной из главных своих целей именно эту задачу? Я не знаю таких примеров. Но уверен в одном, что это гораздо сложнее, чем смена самого консервативного политического строя.

Подчинение непомерно разросшейся, всемогущей посредственности, невозможность вести с нею диалог — кафкианская ситуация — родили и нашу покорность, наше рабское сознание. Мы встаем, как после долгой смертельной болезни, только сейчас осознавая весь трагизм прошлого состояния. Мы сами даже не представляли себе, насколько опасно мы были больны.

Это очень субъективные заметки, поэтому с «мы» следует, видимо, перейти на «я». Да, я был болен, и не замечал этого. Я всегда считал себя свобо-

домыслил: читал практически всего Солженицына и «Лолиту», слушал радиостанцию «Свобода», встречался с иностранцами, ходил на художественные выставки на Малой Грузинской. И только сейчас я понимаю, что это далеко еще не означало духовной независимости. Тысячи нитей связывают нас с рабским сознанием, они стискивают нас, как путы — микельанджеловского раба.

Я невольно снова перехожу на множественное число. Я не помню времени, когда столько людей объединялись единым тревожным чувством. Пишут: «Нет гарантии того, что изменения необратимы. Дайте гарантию надежности нынешнего курса». Как будто нельзя нарушить любой закон!.. В сущности — и это рецидивы рабского мышления — мы всегда, да и сейчас, ждем соизволения сверху. А настоящая гарантия в нас самих. Мы боимся: они могут не допустить. Нет, пускай «они» бояться: мы не допустим.

Если вернуться к человеческому независимому, «незаматниченному» (гениальное выражение Василия Гроссмана) мышлению, не допуская иной жизни, кроме свободной, тогда возвращение к старому станет просто невозможным. Я не знаю, сколько лет понадобится для этого. Мне кажется — очень много. Невозможно даже произвести приблизительную инвентаризацию тех сфер, где проявляется наша униженность и покорность. Это все равно, что учиться неизвестному языку: все вещи называются по-другому. Знаете, например, как на этом языке называется «кошка»? Вы не поверите: кошка. К этому очень трудно привыкнуть.

Но без этого никакая перемена невозможна.

ЗАЧАТИЕ СВОБОДЫ

Лет пятнадцать — семнадцать назад у меня была встреча с американским корреспондентом из АП. Я совсем не желал ее, согласился — и заранее настругал себя на воинственный лад.

Все это было очень смешно. Мой собеседник пришел вовсе не за тем, чтобы вести диалог «Восток — Запад», ему

просто захотелось заглянуть в советскую семью и, сколько помнится, его всерьез волновали два вопроса, почему у нас не издадут битлзов и откуда произошло русское слово «двушечка». А сколько я мог бы его расспросить! Но нет. Мною владела одна неотвязная мысль: доказать свою лояльность. Кому? Стенам? Телефону? Моему собеседнику? (Что уж совсем было глупо). Самому себе?

Короче говоря, ничего не подозревавшего журналиста я встретил закованым в латы. Оторопевший молодой человек (у него были симпатичные веснушки и рыжие волосы) поначалу вежливо и терпеливо отражал мои бредовые атаки, но в конце концов рассердился и принял бой. На моих же условиях. Никакой жалости! Не помню точно его слов, но смысл их был таков: возможно, в чем-то вы и правы, но **ваши** ли это мысли? Вы говорите готовыми формулами. Попробуйте рассуждать независимо — я жаду...

Он мог бы ждать по сей день.

В проблеме «прав человека», столь популярной — по отношению к нашей стране — на Западе, спор идет о внешних правах. Вопрос справедливый и острый, но мы сейчас получаем их все больше, однако внутреннюю независимость, которой у нас все еще нет и которую нам никто не даст, мы должны обрести сами. Процесс этот невидимый, подземный, не выражаемый в рациональных числах, но для нас самый важный. То, о чем я говорю, будет более понятно, если я скажу о первых, самых мимолетных (и потому прошу прощения за поверхностный взгляд) лейденских впечатлениях.

В людном парке девушка забралась с ногами на колени к парню и самозабвенно целуется.

Папа с маленьким сыном устали и сели на тротуар. Папа облегченно вытянул ноги, сын вскарабкался на них. Тротуар чистый, они никому не мешают — какие проблемы?

Необычные вечерние витрины с живыми манекенами. Вдруг понимаешь, что это жилища квартиры с огромными — во всю стену — освещенными окнами. Человек может читать книгу, может

раскланиваться в зеркале с собственным изображением — ему нет дела до улицы. А улице — до него.

О чем здесь идет речь? О том, как затруднительна для нас встреча с примерами нормальной человеческой жизни: слишком просто. Слишком откровенно. Мы так не можем. Так — нельзя!

Возникновение и утверждение «осторожного сознания», со всех сторон обставленного множеством запретов — это, пожалуй, самое глубокое и массовое порождение рабского мышления. Мы страшно боимся за чистоту наших идеалов — политических, нравственных, социальных, ожидая их крушения от самых невинных проявлений человечности. Ни одна фрейлинка не следит так строго за девственностью принцессы, как мы следим за чистотой наших принципов.

Я назвал бы это явление **контрацептивной психологией**. Мы невероятно отстали по выпуску медицинских контрацептивов, но по производству духовных, кажется, обогнали весь мир. Существовала и до сих пор существует целая система стерилизации нашего сознания.

Ни одна сколь-нибудь значительная книга не выходит у нас без предисло-

вия. При этом толкователи всегда оказываются опытнее и правильнее творцов, умнее Пушкина, Кафки, Хемингуэя. Если собрать предисловия за последние десять лет, они перевесят 200-томную библиотеку всемирной литературы. Индустрия предисловий!

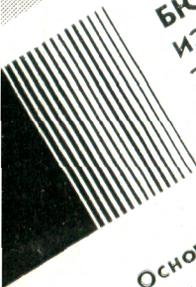
Дежурный оборот ораторов самых различных рангов: «с одной стороны... с другой стороны». Это тоже своего рода контрацептив, охраняющий нас от самостоятельного мышления. С одной стороны — недостатки, но с другой — не смейте забывать о достоинствах. А если забудем? Государство погибнет! Подобно ведущей мелодии из Седьмой симфонии Шостаковича, эта простенькая присказка стала лейтмотивом нашей новой Вагдери: слишком много критики! Мы подрываем все, что сделали за последние 70 лет! Только бы, упаси Боже, не ослабнул поводок, на котором водят мысль...

* * *

Самый популярный наш лозунг: «Революция продолжается!» Это не декларативный лозунг. Перемены, которые должны произойти в экономической и социальной сфере, равнозначны революции. Но для меня этот лозунг имеет свой, глубоко личный, нравственный смысл. Мне надо освободиться.

На второй и третьей страницах обложки: рисунки Игоря Смирнова (Москва) — «Книга — свет», из серии «Все о Дон Кихоте».

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

ВЕК XX И МИР

XX CENTURY AND PEACE

LE XXe SIECLE ET LA PAIX

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

